

ЧУЖАЯ АНАТОМИЯ

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Чужая анатомия

<https://litres.ru/74680823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман Звягин выныривает — и начинает задыхаться. Теперь ему нужна вода. После катастрофы земного корабля чужие спасатели вернули его память, но собрать человеческое тело не сумели.

Капитан существует сразу в семи телах. Вера, которую Роман любит, научилась летать и не хочет возвращать прежнее тело. А один из пассажиров восстановлен дважды — и оба помнят одну семью на Земле.

Роман собирает экипаж, чтобы найти дорогу домой. Но как перевезти тех, кому нужны разные воздух, вода и тяжесть? Чем дольше длится путь через чужие миры, тем яснее: сохранить воспоминания о человеке ещё не значит спасти самого человека. И даже если они доберутся до Земли, прежними туда уже не вернутся.

Содержание

Глава 1. Этот проснулся	4
Глава 2. Вода для одного	15
Глава 3. Колёса под водой	23
Глава 4. Семь мест капитана	33
Глава 5. Маленькая комната	43
Глава 6. Билет на живого	52
Глава 7. Перед белой чертой	60
Глава 8. Высота под руками	69
Глава 9. Она села рядом	76
Глава 10. Окно без стекла	84
Глава 11. Выше причала	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

А.М. Сунгурский

Чужая анатомия

Глава 1. Этот проснулся

Роман вынырнул и сразу понял, что это было ошибкой.

Воздух ударил в лицо сухим холодом. Над водой висел низкий прозрачный колпак; вдоль его внутреннего края тянулась сухая полка. Он открыл рот, но вместо вдоха почувствовал, как что-то слипается по обеим сторонам шеи. Попробовал ещё раз. Перед глазами вспыхнул светлый круг, а руки, которыми он держался за край, разъехались.

Пальцев оказалось по четыре.

Эта подробность напугала его сильнее воды. Он видел обе ладони, длинные, серые, с перепонками у основания пальцев, и не мог заставить их стать другими. Правая по-прежнему болела в том месте, где за неделю до рейса он прищемил мизинец. Только мизинца больше не было.

Снизу кто-то ухватил его за поясницу и потянул. Роман вцепился в борт. Ему казалось, что стоит отпустить — и он утонет, а от этой мысли силы нашлись ещё на несколько секунд. Потом над краем показалась прозрачная пластина с жёлтым пятном внутри. Пластина раскрылась, коснулась его запястья, и ладонь сама разжалась.

Он провалился в воду. Втянул её, ожидая боли, и дышать стало легко.

Над лицом качнулась решётка. Чужая рука закрыла верх резервуара; щелчок прошёл через воду и отозвался в костях. Роман рванулся вверх, ударился плечом о решётку и остановился. Не от боли — от движения собственного тела. Позади него развернулось что-то длинное и сильное, перевернуло его, и он увидел живот, короткие ноги, а между ними уходящий назад плоский хвост.

Вода несла сладковатый запах, хотя носом он ничего не чувствовал. Запах возникал где-то глубже, вместе с чужим спокойным дыханием.

Роман закрыл глаза.

Последнее, что он помнил, было гораздо хуже сна. Белый аварийный свет, открытая панель, Верин голос в наушнике: «Ты идёшь?» Он ответил, что идёт. После этого должна была быть лестница. Он так ясно видел первую ступень, что попробовал поставить на неё ногу.

Нога шевельнулась под животом, не доставая даже до края его собственной груди.

— Я не могу так, — сказал он.

Ни одного слова не получилось. Вода прошла через рот, на дне резервуара дрогнула тень.

Снаружи за стеклом стояло существо, похожее на несколько прозрачных локтей, соединённых вокруг тёмного стержня. Оно повернулось боком, и Роман разглядел четыре тон-

ких отростка. Одним существо придерживало на стенке круглый предмет, другим показывало вниз.

Туда, где на дне лежала серебристая ложка.

Роман уставился на неё. Обычная, почти земная ложка с короткой ручкой. Он провёл ладонью по животу, задел хвост и снова посмотрел на незнакомца.

Тот терпеливо постучал по стеклу. Потом поднял другую ложку и приложил её выпуклой стороной к середине собственного тела. Подержал, отнял, повторил.

Роман хотел разбить стекло. Хотел найти человека, который скажет, что всё это временно. Хотел, чтобы кто-нибудь встал перед ним и признался в отвратительной шутке. Вместо этого он медленно опустился на дно и взял ложку.

Она прилипла к коже под челюстью.

— Не вытаскивайте дыхательную поверхность, — сказала вода женским голосом. — Она не приспособлена к открытой среде.

Голос был незнакомый. Роман испытал такую благодарность за это, что некоторое время не смог ответить. Он уже приготовился услышать Веру.

— Где я?

На этот раз слова прозвучали возле самого уха. Его рот почти не двигался; ложка улавливала напряжение мышц, а стоящий за стеклом собеседник слышал другой голос из своего круглого прибора. Между вопросом и ответом прошла долгая пауза.

— В месте продолжения. Я Ивра. Вы живой.

— Это я вижу. Где корабль?

Ивра не ответила. Отодвинула круглый прибор, провела по нему отростком и снова прижала к стеклу.

— Название места вашего прежнего обитания?

— Корабль. «Перевал». Земной транспорт. Двадцать человек. Где они?

Воду едва заметно толкнуло снизу. Ложка дрогнула на шее; по стенке резервуара пробежала мутная полоса. Ивра развернулась так быстро, что Роман невольно втянул голову в плечи. Один её отросток держался за круглый прибор, остальные тянулись куда-то за пределы стекла.

Сладковатый запах стал резким. Дыхание ещё оставалось лёгким, но каждая струя воды скребла по шее.

Роман увидел, откуда идёт муть. Под решёткой внизу вращалась тёмная лопасть. К ней прижало длинную белую ленту; лопасть натягивала её, отпускала и снова натягивала. За спиной Ивры мигали две лампы.

— Выйдите из нижней области, — сказала она.

— Я там дышу.

— Выйдите из нижней области.

Она повторила слова с тем же ударением, и Роман понял, что это уже запись. Ивра выдернула прибор из крепления и поспешила вдоль стенки. Вода всё хуже проходила через шею. Он оттолкнулся от дна, перевернулся и схватился за верхнюю решётку. Ивра с другой стороны стекла пыталась

сдвинуть верхний затвор. За ним, под колпаком, виднелась сухая полка: через этот выход она могла вытащить Романа только в воздух.

Роман посмотрел на белую ленту. Механизм не был насосом, каких он знал. Однако белое полотно не имело права попадать между вращающейся частью и неподвижным ободом ни в одном механизме, придуманном достаточно разумным существом.

Он вытянул руку вдоль стенки. До ленты оставалось далеко. Собственный хвост ударил по стеклу, и Роман вдруг понял, что может оттолкнуться им от противоположной стороны.

В первый раз его развернуло. Во второй он ударился локтем. В третий ладонь накрыла неподвижный обод.

Ивра заметалась снаружи.

— Не входите в рабочую часть! Не входите!

— Я и в нерабочую больше не войду, — сказал Роман.

Он не полез пальцами к лопасти. Лево́й рукой нащупал край полотна там, где оно уходило в паз стенки, потянул на себя и почувствовал натяжение. Лента оказалась прочной, как ремень. Установке хватало силы вытянуть её всю; только крепление удерживало ткань и не давало механизму окончательно задохнуться.

Он зацепил край за выступ решётки, перехватил обеими руками и навалился своим новым телом. Хвост беспорядочно бил воду. На мгновение стало стыдно за эту нелепую воз-

ню — будто на него сейчас смотрели все двадцать человек «Перевала».

Потом лента лопнула.

Лопасть проглотила оборванный конец. Вода толкнула Романа в грудь, понесла к стенке, а затем из паза пошёл чистый холодный поток. Он вцепился в решётку и повис на руках, позволяя воде пройти через шею.

Ивра перестала метаться. Прижалась к стеклу всем длинным телом и некоторое время стояла так, не шевеля отростками.

— Вы повредили поверхность покоя, — сказала наконец ложка.

Роман посмотрел на оставшийся в руке кусок белой ткани.

— Это одеяло?

Пауза.

— Для сна.

— Тогда запишите. Этот проснулся.

Ивра медленно подняла два отростка. Роман ещё не знал, что означает движение, но очень надеялся, что она тоже умеет ругаться.

Он дождался, пока вода окончательно очистится. Над нижней решёткой плавал обрывок тонкой белой нити; всё остальное унесло внутрь. Ивра принесла длинные щипцы, открыла боковой лючок и вытащила из него ком ткани. Ком показала Роману. Потом ещё раз показала два поднятых отростка.

— Встать? — спросил он.

— Я огорчена.

— Я тоже.

Теперь они смотрели друг на друга без всякого перевода. Через толстую стенку Роман различал только тёмный стержень внутри её тела и мелкие светлые пятна, собиравшиеся то у одной стороны, то у другой. Пятна приходили в движение раньше отростков. Он выбрал два повыше и стал смотреть на них как на глаза.

— Отпустите край, — сказала Ивра. — Руки болят.

— У вас?

— У вас.

Он заметил, что суставы побелели. Когда разжал пальцы, вдоль ладони прошла мелкая дрожь. Ивра подала через лючок мягкую петлю, которую можно было закрепить под руками. На этот раз сперва показала на себе. Роман вдел плечи и повис. Петля держала его ниже поверхности; голову больше не тянуло вытащить в воздух.

— Полотно было закреплено неправильно, — сказала она.

— Я выбирала для вашего сна. По описанию земного сна. Вы прикрываете себя мягким.

Роман посмотрел на обрывок. Кто-то прочитал, что людям нужно одеяло, и положил одеяло в воду.

— Я хочу знать про корабль.

— Вам следует спать.

— До этого я хорошо поспал. Сколько?

Ивра отодвинулась, затем вернулась с круглым прибором в другом отростке.

— У вас есть промежуток времени, который делится на двадцать четыре?

— Сутки.

— Девятнадцать таких промежутков после начала самостоятельной работы вашей ткани. Сегодня первое длительное узнавание.

Роман закрыл глаза. Девятнадцать дней. Где-то люди искали его девятнадцать дней — если было кому искать, если всё это находилось возле Земли, если Вера вышла по лестнице.

— Я раньше просыпался?

— Открывали глаза. Двигались. Не называли себя.

— А вы что делали?

— Поддерживала.

Он хотел спросить, кого именно она поддерживала: его или это серое тело. Однако спрашивать оказалось страшнее, чем смотреть на хвост.

Ивра опустила в воду прозрачную полоску, и на её поверхности засветилось лицо. Роман сразу узнал капитана. Вересова сидела в кресле, немного подавшись к камере. Серый воротник, короткие волосы, левый глаз прищурен от яркого света. Ни крови, ни аварийной вспышки. Обычная предполётная запись из спасательного блока, которую он сам проверял перед выходом.

«Алла Андреевна Вересова. Капитан транспорта “Перевал”. Подтверждаю разрешение на использование спасательного архива для восстановления жизни при установленной гибели...»

— Выключите, — сказал Роман.

Ивра убрала полосу, но изображение ещё несколько секунд держалось в воде.

— Где живая?

— Есть продолжение этой памяти. Я не её хранитель.

— Она жива?

— Да.

Роман ухватился за петлю. Слово «да» было коротким, человеческим, и ложка не снабдила его никакими дополнительными пояснениями.

— Вера Чалова. Спросите про неё.

— Мне нужно установить имя.

Он назвал снова, по слогам. Ивра повторила так, словно складывала хрупкую вещь. На приборе появились три ряда знаков. Из них Роман понял только маленькое изображение человека, напоминавшее обычный земной значок выхода, и длинную красную черту.

— Что это?

— Нет здесь.

— Умерла?

— Нет здесь, — повторила Ивра уже своим голосом, без ровной терпеливости записи. — Не все находятся у меня.

Роман заставил себя отпустить петлю. Ему хотелось схватить переводчик и встряхнуть, чтобы из него выпали нужные слова.

— Я механик. Роман Звягин. Вы это знаете?

— Знаю память имени и работы.

— Тогда знаете, что мне нужен человек. Любой с моего корабля. Можно капитана. Отвезите меня к ней.

Ивра плавно отступила от стекла. Один из прозрачных локтей сложился вдвое, второй закрыл прибор.

— До осмотра нельзя.

— Когда осмотр?

— Я позвала.

— Сколько ждать?

— Я позвала, — повторила она, и Роман услышал наконец интонацию, которую узнал бы в любой больнице: специалист ещё не пришёл, а спрашивают с того, кто здесь.

Он остался висеть в петле. Хвост медленно качался внизу, не спрашивая его согласия; тело удерживало себя в потоке. По поверхности прошла тень. Высоко над резервуаром, за матовым потолком, двигались огромные светлые пятна. Роман сначала принял их за облака, потом увидел, как одно пятно сложилось пополам и исчезло в узкой щели. Снаружи тоже была вода.

Вся комната стояла на её дне.

Он поискал взглядом дверь. Нашёл вытянутую овальную раму за спиной Ивры. Та проплыла сквозь неё, оставив Ро-

мана одного, и он посмотрел вниз, на свои новые руки. Место старого прищемлённого мизинца продолжало болеть. Он осторожно провёл по нему большим пальцем другой руки, промахнулся и вдруг вспомнил Веру за кухонным столом: она резала хлеб и ругалась, что он опять ушёл чинить чужое, не поев.

Он не помнил, что ответил.

Это маленькое отсутствие стало невыносимым. Вера была в памяти вся: ключи у входа, голая пятка на ковре, смешная привычка приподнимать бровь, прежде чем соврать про подарок. А его собственная последняя кухонная фраза исчезла. Может быть, он ничего и не сказал. Может быть, только поцеловал её в затылок, на ходу, и уже потянулся к куртке.

Ложка под челюстью тихо зазвенела.

— Вы живой, — повторила запись.

Роман взялся за неё, собираясь оторвать, но остановился. Без ложки он снова не сможет позвать.

— Очень хорошо, — сказал он пустой комнате. — Давайте теперь найдём остальных.

Глава 2. Вода для одного

Осмотр начался с того, что Роману предложили съесть прозрачный камень.

Камень был тёплым и мягким, однако выглядел именно камнем, обточенным водой. Ивра поднесла его к собственному телу, откуда выдвинулась круглая складка, и показала, как кусать. Роман повторять не стал.

— У вас нет зубов, — пояснил переводчик.

— Я уже заметил.

— Тогда почему не пробуете?

Он осторожно сжал кусок между гладкими краями рта. Камень распался на солоноватую кашу. Оказалось, что глотать можно, не прекращая дышать, и от этого открытия стало неприятнее, чем от еды: тело слишком хорошо знало, что с ним делать.

Ивра выглядела довольной. Прикрепила к его запястью узкое кольцо, подождала и показала приглашённому существу три светящиеся точки. Пришедший был гораздо темнее её, с короткими отростками и веером жёстких пластин вдоль спины. Он смотрел на Романа сбоку, неторопливо перемещаясь возле резервуара.

— Это Диг, — сказала Ивра. — Он проверяет устойчивость.

— Врач?

— Он проверяет устойчивость.

Диг коснулся прибором стекла. Внутри возникла мишень: белый круг, маленькая чёрная точка. Роман следил за точкой, сгибал руки, ловил проплывающую ленту, узнавал на картинках вещи. Ложку, дверь, женское лицо, старую Землю с облаками над океаном. Когда показали гаечный ключ, он сказал, что таким ключом можно работать только один раз.

Ивра повернулась к Дигу.

— Сломается, — объяснил Роман. — Губки тонкие. Это картинка из детской книжки, вы её откуда взяли?

Диг убрал ключ и показал другой, нормальный.

— Этот годится.

На стенке зажглась ещё одна точка. Роман почувствовал себя мальчиком, которому удалось обмануть школьного психолога. Потом Диг увеличил земное изображение, и в облаках открылось северное побережье. Белое море, длинный тёмный берег. Названия не появлялись.

— Это дом, — сказал Роман.

Диг дождался перевода, коснулся двух пластин на спине и спросил:

— Весь?

Роман хотел отмахнуться, но на картинке сиял крошечный белый завиток над морем. Он вдруг вспомнил, как в детстве отец поставил его на подоконник, чтобы было видно огни крана за домами. Отца уже давно не было. Кран, скорее всего, тоже заменили. От такого размера потери плакать ка-

залось нелепым — особенно теперь, когда даже слёзы было некуда деть.

— Весь, — ответил он.

Диг погасил изображение. Несколько минут они с Иврой обменивались короткими дрожащими звуками. Ложка молчала.

— Выключили перевод?

Ивра вернулась к нему.

— Есть слова, которым нет соответствия в вашем наборе.

— Тогда пусть скажет проще.

Диг развернулся так, что его жёсткие пластины легли почти поперёк окна.

— Вода для вас готова. Внешняя вода вам не подходит. Перемещение допускается в личной воде. Самостоятельный выход запрещаю.

— Вы говорите, как будто выписываете аквариум.

— Что такое аквариум?

Роман посмотрел на стекло, на свой новый хвост и на терпеливо ждавших ответа существ.

— Неважно.

Диг ушёл. Ивра проверила крепление кольца и открыла на нём изображение. Кружок, полоска, три разноцветных столбика. После нескольких попыток появились обычные цифры: 00:00:01.

— Ваши малые единицы времени, — сказала она. — По записи. Я буду ставить время ухода и еды. Это также сооб-

щает мне, что вы живы.

— Сниму — умру?

— Снимете — я прибегу.

Роман посмотрел на её отrostки и решил не уточнять способ передвижения.

Она показала каждую шкалу. Течение воды через дыхательные складки. Насыщение газом, название которого переводчик сперва произнёс длинной чужой фразой, а потом подобрал «кислород». Температура. Оказалось, красные полосы на приборе могли означать хорошее состояние; зелёный означал слишком сильное, а синий — отсутствие сведений. Роман попросил оставить цифры и добавить рамку вокруг опасного участка. Ивра переделала, хотя по движению её пятен было видно, что считает просьбу капризной.

— А теперь про корабль, — сказал он.

Она проплыла к дальней стене. На ней стояло несколько прозрачных коробок, и в одной Роман различил серый металлический обломок. Ивра принесла коробку, повернула. На обломке сохранились две русские буквы: «ВА».

Роман сразу узнал полосу краски. Её положили в доке поверх прежней, потемнее, и у нижнего края получился небольшой наплыв. Он ругался с маляром, потому что наплыв заходил на крышку соединителя. Маляра звали Денис, у него была огромная рыжая борода и крошечный пёс, которого не пускали в цех.

— Где нашли?

— При записи.

— Покажите место.

— Я там не была.

— Кто был?

— Собирающие. Они передали спасательному дому. Дом распределил. Мне досталась ваша история, повреждённое описание тела и часть предмета для удостоверения. Предмет не был необходим для вашего роста.

Слова «вашего роста» прозвучали буднично. Роман обхватил себя руками и медленно провёл ладонями по рёбрам, которых не нашёл там, где помнил.

— Вы меня вырастили?

— Да.

— Из чего?

Ивра помедлила. Потом показала на своё тело, на резервуар и на маленькую круглую коробку, которую носила у основания передних отростков.

— Из вещества. По подходящему развитию. С вашей памятью.

Он подождал, пока ложка добавит что-нибудь ещё. Она не добавила.

— Как давно погиб корабль?

— Переданная запись была доставлена сюда раньше начала роста. Я могу сказать мои сроки. Земной даты у меня нет.

— Но корабль погиб?

Ивра повернула коробку с обломком.

— Я получила подтверждение разрушения прежних тел. Без этого мы не начинаем. Сохранить историю можно. Но здесь никто не умел вырастить земное тело, и я не знала, научиться ли. Я могла попробовать дать вам другое.

Она говорила всё быстрее, и переводчик отставал. Последние слова пришли, когда Ивра уже замолчала. Роман смотрел на краску с маленьким наплывом и боялся подумать о том, где именно находился соединитель. Если это наружная крышка, ничего ещё не доказано. Если внутренняя... Но он не мог определить по такому куску. Хотел убедить себя, что может, и не мог.

— Почему такое тело?

— Оно подходит для разумной жизни.

— Моё тоже подходило.

— Его описание не было полным.

Ивра убрала обломок. Вернулась с изображением человека: голова, туловище, руки и ноги. Внутри было пусто.

— Мы знали внешний вид, — сказала она. — В вашей памяти много внешних видов. Но образ не говорит, как вырастить все связи. Как взрослый узнаёт вашу речь? Как маленький растёт? Что должно происходить внутри, чтобы ваши пять концов могли брать предметы? Полного пути не осталось. Наш путь есть. Я изменила его под вашу запись.

Роман посмотрел на свои четыре пальца.

— Слишком мало?

— Пока хватает.

Она решила, что это похвала. Светлые пятна на её боку собрались в две крупные группы; отростки раздвинулись. Роман не стал исправлять.

В его профессии тоже приходилось спасать то, что уже разваливалось. Иногда делал так, как позволяли инструменты, а не как хотелось владельцу. Только до сих пор владельцем не была личность внутри заменённой машины.

Он долго молчал. Ивра занялась отверстиями в нижней решётке, извлекла оставшуюся нитку от одеяла. Спрятала её в коробку, не выбросила. Роман следил за этой аккуратностью и пытался решить, благодарен ли он ей. Получалось, что благодарен. Получалось, что ненавидит. Ничего удобного между этими чувствами не находилось.

— Мне нужно увидеть капитана, — сказал он наконец. — Я не буду выпрыгивать. Сделайте мне такую личную воду, чтобы можно было ехать.

— Уже сделана.

— Почему сразу не сказали?

— Вы сначала пытались умереть в верхней среде. Потом сломали постель. Потом Диг проверял, узнаете ли вы свой дом.

Роман не нашёл, что возразить.

Ивра отвела его к боковой стенке резервуара и погасила на ней изображение. За стеклом стояла небольшая прозрачная капсула, похожая на поставленную на бок банку. Внизу — колёса, по бокам две гибкие манжеты, сзади толстый ме-

шок, связанный трубками с крышкой. В капсуле медленно вращались белые пузырьки.

— На этом?

— Да.

— Она пройдёт в дверь?

— В наши двери — да.

— А в капитанскую?

Ивра убрала с борта пучок привязанных проводов. На прозрачной стенке было нацарапано что-то неровное, написанное рукой. Переводчик предложил «Звягин Роман, продолженный, один».

— Не знаю, — сказала Ивра. — Она сейчас в семи местах. Роман подождал, но новых слов не пришло.

Глава 3. Колёса под водой

Пересаживаться пришлось задом.

В новой капсуле не хватало места для разворота, а хвост никак не соглашался лежать там, куда Роман хотел его положить. Стоило отвлечься на руки, как хвост расправлялся и перекрывал вход. Ивра трижды показывала движение. На четвёртый раз Роман попросил её убрать из поля зрения все отростки и дать ему спокойно опозориться.

Она убрала. Хвост постепенно втянулся, колени легли на низкую мягкую опору, а грудь — на широкий передний упор. В таком положении можно было дышать, видеть и двигать руками. Усесться по-человечески было нельзя; спать предполагалось здесь же, в наклонном положении, прикрепив верх тела к лямкам.

— Ручка слева поворачивает, — сказала Ивра. — Справа выбирает движение. Отпустите обе — остановится.

Роман повернул левую ручку. Капсула поехала боком.

— Поворачивает колёса, — уточнила Ивра.

— Так точнее.

Он потратил полчаса на площадке перед резервуаром. К концу полчаса научился заходить в дверную раму, не цепляя корпусом края, и перестал искать пятку, чтобы нажать на несуществующую педаль. Ивра внимательно смотрела за каждым движением. Когда он остановился перед ней, она

приложила отросток к передней стенке капсулы.

— Вы можете работать руками.

Гибкие манжеты были закрыты. Роман просунул руку в правую манжету, надавил; ладонь вышла в наружную воду, оставаясь внутри тонкой перчатки. На пальцах чувствовалось почти всё; температуру он пока не различал. Он взял предложенный стержень, переложил в другую руку, вернул. Ивра показывала ему простые вещи с такой осторожной гордостью, будто сама впервые научилась брать предметы.

— А если дырка?

— Манжета зажмётся выше повреждения. Вода пойдёт из запаса. Сразу уберите руку и остановитесь.

— Кислород?

Ивра показала на задний мешок и небольшую плоскую коробку под ним. Роман не полез разбирать чужую систему. Попросил вывести остаток времени при обычной работе и при повреждении, посмотрел, где находятся два независимых запора. Открывать запоры не стал. Теперь каждая привычная проверка имела слишком личный смысл.

В дороге его должны были держать на внешнем питании; собственный запас предназначался для переходов между помещениями. Ивра приложила к крышке маленькую пластину. На ней были показаны четыре операции обслуживания, с последовательными картинками его тела. На последней он лежал неподвижно, а над шеей мигал чёрный знак.

— Это что?

— Не делайте так.

— Отличная инструкция. Дайте такую на всё остальное.

Ивра долго молчала, и Роман запоздало понял, что она всерьёз думает, как выполнить просьбу.

Они вышли из комнаты в широкий водный коридор. Ивра плыла сбоку, иногда придерживая капсулу, хотя теперь Роман мог обходиться без неё. За стенами двигались другие существа. Кто-то лежал в плоском открытом лотке; кого-то везли в длинном мешке, свисавшем с двух тележек. На одной площадке круглый прозрачный пузырь обнимал существо с тонкими ногами. Внутри пузыря был воздух.

Существо повернуло к Роману маленькую голову. Они несколько секунд смотрели друг на друга через две несовпадающие среды, потом тот в пузыре постучал по своей стенке. Роман поднял руку. Чужой повторил движение, но конечность развернулась не в ту сторону, куда он ожидал.

— Тоже спасённый? — спросил Роман.

— Нет. Он привёл родственника.

Ему стало стыдно за поспешное узнавание общей беды. Он сам выглядел вполне местным, если не считать капсулы. Может быть, посетитель просто поздоровался с больным.

Коридор закончился открытым пространством. Роман остановил колёса, и Ивра не стала его подгонять.

Над ними поднимались башни, похожие на свитые из белой проволоки корзины. Между башнями тянулись мосты; по ним ползли светлые точки, а над мостами проплывали

большие существа и вытянутые транспортные оболочки. Вода была прозрачной на десятки метров. Дальше всё растворялось в мягком синем свете, и оттуда доносился низкий многослойный гул. Ни одного человеческого окна, ни одной лестницы, по которой захотелось бы подняться ногами.

Здесь опаздывали, тащили тяжёлое, ждали возле закрытых входов. Два существа яростно спорили над перевёрнутой корзиной, из которой высыпались красные шарики. Мимо них медленно шёл транспорт с длинными щётками, собирая чужую россыпь. Одно из спорящих загородило ему дорогу. Другое, воспользовавшись паузой, стало подбирать шарики.

— Как называется? — спросил Роман.

— Дом третьего течения.

— Я про весь мир.

— Тиора. Это звук для внешних. Наше имя нужно показывать течением.

Роман повторил «Тиора». Слово не вызывало никакого образа. Земля тоже когда-то была для кого-нибудь просто звуком.

Они двигались по мосту, у которого не было перил. Ивра плыла справа. Колёса поднимали со дна мелкие пылинки, и Роман постоянно проверял край: вниз было не так уж далеко, но поднимать тяжёлую личную воду пришлось бы чужим людям. Ему не хотелось стать ещё и перевёрнутой корзиной.

У подъёмника Ивра задержалась. С потолка висел узкий

пучок светлых отростков, и, когда она приблизилась, пучок свернулся вокруг её передней конечности. Роман сперва решил, что это устройство оплаты. Потом заметил два маленьких тёмных пятна и понял, что на них смотрят.

— Ваш ребёнок?

Ивра убрала переводчик от тела. Несколько секунд говорила сама; вода возле неё задрожала частыми короткими толчками. Пучок отростков раскрылся, зацепился за её плечо, потянул. Она отвечала и всё смотрела на Романа, будто извиняясь за задержку.

— Подождём, — сказал он.

— Это не ребёнок. Это моя младшая. Она скоро будет от-дельно.

Роман не стал уточнять, в чём разница. Младшая ткнула в его капсулу тонким отростком. На прозрачной стенке осталась крошечная мутная звезда. Ивра поймала её конечность и что-то сказала уже совсем другой интонацией.

Роман улыбнулся. Лицо отреагировало странным натяжением под глазами, но Ивра, кажется, поняла.

— Я ненадолго, — сказала она младшей через включённый переводчик. — Дальше вода ему будет чужая.

Пучок отпустил плечо и вернулся к потолку. Когда подъёмник тронулся, маленькое существо ещё несколько раз переменяло место, провожая их вдоль прозрачной шахты.

Выше вода светлела. На верхней остановке Ивра прикрепила капсулу к настилу и жестами велела Роману не трогать

рычаги. Саму себя обвязала ремнём, соединённым с соседней стенкой. С потолка опустилась перегородка. Вода снаружи начала уходить.

Роман ожидал, что Ивра окажется на полу, но вокруг её тела удержался мягкий прозрачный чехол. В нём осталось достаточно воды, чтобы она могла прижаться к нижней стенке. Отростки стали двигаться медленнее. Длинное изящное существо вдруг выглядело тяжёлым и неудобным.

— Вы тоже на колёсах?

— Здесь не колёса.

Под чехлом зашевелились короткие опоры. Роман не стал смеяться. Ему было легче от того, что неловкость не принадлежит одному человеческому виду.

Открылась дверь, и впервые с пробуждения он увидел настоящее небо. Не через толщу чужого океана. Небо оказалось серым, почти земным, с рваными облаками. Над площадкой стояли большие тёмные трубы; из их верхушек вылетали тонкие струи пара. Под одной трубой медленно вращался корабль, состоявший из нескольких круглых секций.

Ивра прижала прибор к передней стенке капсулы.

— Я не могу долго оставаться. Ваш перевозчик там. Я передала условия воды.

— Вы со мной не едете?

— У меня ещё двое не проснулись.

Роман посмотрел на её маленький чехол. Он уже привык, что она появляется, когда ему страшно, и почему-то успел

принять это за обязательство на всю оставшуюся жизнь.

— Как вам сообщить, когда найду остальных?

Ивра коснулась кольца у него на руке. На маленькой поверхности возник знак из трёх изогнутых линий.

— Через любой дом продолжения. Ответ может идти долго. Не ждите возле прибора.

— Я постараюсь.

— У вас есть это слово — «спасибо».

— Есть.

Она терпеливо ждала. Роман ощутил, как смущение поднимается от живота к горлу, совершенно по-прежнему, несмотря на устройство тела.

— Спасибо, Ивра.

— Я хотела сказать его вам, — произнёс переводчик после паузы. — За то, что проснулись. Я не знала, получится ли человек.

Он не успел придумать ответа. Ивра уже развернулась к шахте. На краю площадки остановилась, подняла два отростка и только потом один убрала. Роман поднял руку. Решил, что в этот раз речь идёт всё-таки о прощании.

* * *

Перевозчик оказался существом, у которого вся передняя сторона выглядела лицом, но говорило почему-то плечо.

— Хед, — представилось плечо по-русски. — Корпус

«Непоседа». До пересадочного места, без споров о маршруте. Вода подключается здесь. Руки внутрь при движении. Хвост наружу не выпускать.

— Не планировал, — сказал Роман.

Хед осмотрел капсулу и провёл широкой мягкой ладонью по крышке. Существо было невысоким, жилистым, с тёмной кожей, собранной в продольные складки. На грудной повязке висели четыре разных прибора и маленький блестящий предмет, похожий на дверную ручку. Настоящий рот, если это был рот, оставался закрыт.

— Ещё вопросы?

— Вы знаете капитана Вересову?

— Знаю груз.

— Она не груз.

Хед отступил на шаг и показал на круглый корабль над площадкой.

— Всё, что я поднимаю, сначала груз. Потом узнаём поближе.

Роман посмотрел на крепления своего аквариума. Спорить с этой логикой сейчас было трудно.

Подъёмник втянул капсулу внутрь корабля. Там пахло — через прибор, который Ивра настроила превращать внешние запахи в слабые ощущения вкуса, — тёплой пылью и чем-то горьким. Роман попросил Хеду отключить эту возможность. Пыль исчезла, горечь почему-то осталась.

Его закрепили в просторном углублении. Рядом стояли

три больших ящика, на одном шевелилась тонкая золотая сетка. Хед провёл трубки от стены к задней коробке капсулы, дождался совпадения показаний и показал Роману, где вернуть собственный запас при разрыве внешней линии.

— Воду не грею выше записанного. Газ беру из вашей коробки. Общий воздух вам не обещаю. Если голодно, стучите один раз. Если плохо — много.

— А если просто поговорить?

— Тогда лучше голодно.

Он ушёл, оставив дверь открытой. Роман попытался устроиться поудобнее, вспомнил, что удобное положение уже задано всем устройством капсулы, и замер. За круглым окном поднимались белые башни Тиоры. Корабль чуть качнулся, и башни поползли вниз.

Через несколько минут на стене напротив загорелся маленький экран. Появилось знакомое имя, написанное кириллицей с неравными промежутками: «В е р е с о в а».

Голос капитана произнёс:

— Звягин, слышите меня?

Роман рванулся к экрану, ударился грудью о собственный упор и едва не выдернул руку из манжеты.

— Алла Андреевна!

— Не отвечайте этому изображению. Это сообщение. Мне сказали, что вас отправят, если вы узнаете человеческие предметы. Узнали — хорошо. Теперь послушайте внимательно. Когда привезут, не позволяйте им выписать меня по

частям.

Капитан замолчала, и Роман, несмотря на предупреждение, начал говорить. Только когда экран погас, он понял, что опять остался один — но теперь уже ехал к кому-то.

Глава 4. Семь мест капитана

Хед разбудил его ударом по передней стенке.

Роман дёрнулся, задел подбородком ложку и увидел перед собой одну из тех же золотых сеток, которые стояли в грузовом углублении. Во сне он успел побывать дома: лежал поперёк своей кровати и не мог убрать с одеяла тяжёлую сумку. Сумкой оказался собственный хвост, упирившийся в заднюю стенку.

— Прибыли, — сказал Хед. — Еды хотите?

— Потом.

— Значит, плохо?

— Значит, капитан.

Хед молча поднял наружную защёлку и отсоединил питание, дав Роману время перевести капсулу на запас. В боковом окне больше не было ни облаков, ни воды. Там чернела огромная гладкая стена, пересечённая полосами света; между полосами проходили крошечные фигуры.

— Мы в космосе?

— Мы всё время в космосе.

— Далеко от Тиоры?

Хед коснулся плечевого переводчика.

— По расстоянию не отвечу. По ходу — четыре часа и малый переход. Обратно столько же, если переход свободен. Мне дальше туда.

Он показал за спину, где ничего, кроме закрытой двери, не было. Роман решил пока не выяснять устройство чужой географии. Часы на запястье показывали 06:18:22. Шесть часов с тех пор, как его убедили, что он умеет жить.

Выход из корабля шёл по широкому настилу. Тяжесть стала меньше: при повороте вода внутри капсулы запаздывала, и Роман заранее снижал скорость. Хед посматривал на него, но замечаний не делал. Над настилом висели транспаранты с одними и теми же незнакомыми знаками. Переводчик в капсуле разобрал только большой: «Продолжение не теряется».

У входа в приют их встретило существо в жёсткой чёрной одежде. Невозможно было понять, где кончалась одежда и начиналось тело. Оно приложило плоский прибор к капсуле, получило ответ и указало на левый проход.

— Все семь, — сказал Роман.

Хед перевёл на своём языке раньше, чем сработала ложка. Чёрное существо оглядело их обоих и показало сразу на три прохода.

— Уже распределено, — произнёс плечевой голос. — Назначения не меняются здесь.

— Где капитан?

— Вторая линия, места с третьего по восьмое.

Роман быстро сосчитал.

— Это шесть.

— Седьмое назначение выполняется.

Хед повернулся к нему.

— Пойдёмте к шести. Там кто-нибудь объяснит человеческим способом.

За вторым проходом находился длинный зал с низкими перегородками. Над каждой горел отдельный знак; в одних ячейках лежали неподвижные существа, в других кто-то ходил по кругу. Возле дальней стены громоздились контейнеры с живыми растениями. Роман остановился, увидев на одном из ящиков знакомое лицо Вересовой.

Лицо было нарисовано на этикетке. Под ним стояло имя, а под именем — ряд коротких палочек.

В ячейке лежало медное блюдо на шести тонких ногах.

Роман приблизил капсулу. Существо повернулось к нему узкой передней кромкой; от неё до заднего края было с полметра. Из-под панциря выглядывала мягкая светлая ткань. На верхней стороне тянулись три тёмных полосы, и от каждой уходил в стену тонкий шнур.

— Алла Андреевна?

Из соседней ячейки ответили:

— Не туда смотрите. Хотя туда тоже.

Роман резко повернул голову и ничего не увидел за перегородкой.

— Это вы?

— Звягин, прекратите спрашивать. Я сама не разобралась.

Он засмеялся раньше, чем успел решить, уместно ли это. Голос капитана был слабее привычного, слова приходили с

неровными паузами, но раздражение совпадало до малейшего оттенка. Роман захотел схватить её за плечи. Вместо плеч рядом находился край медного панциря.

— Я вас слышу.

— И я вас. Где моё левое?

— Какое левое?

Пауза затянулась. В третьей ячейке что-то стукнуло по полу.

— Сейчас не знаю, — сказала Вересова. — До разделения знала. Хед с вами?

Перевозчик подошёл к ячейке.

— Ты опять требуешь собственность без выдачи?

— Я требую себя. Пожалуйста, если до сих пор имеет значение.

Хед раздвинул пальцы. В плечевом динамике послышался короткий треск.

— Я привёз воду. За остальное не платили.

— Тогда поговори с механиком. Он у нас тоже считает, пока не станет стыдно.

Роман оглядел шнуры. Они шли от всех ячеек к длинной коробке над перегородками. Коробка светилась; возле шестого входа мигал пустой разъём.

— Вас соединяет это?

— Да. По отдельности хуже. Плохое слово — хуже. Я забываю, что забыла. Не отключайте.

На последней фразе голос просел. Роман придвинул кап-

сулу к Хеду.

— Седьмую куда отправляют?

— На другую сторону приюта. Оттуда на Трек.

— Почему её одну?

— Здесь указано семь восстановленных существ. Всем предоставлено место. Разным. Этот дом не выращивал её, только принял на ожидание. Отправитель написал неправильно, приёмщик распределил правильно. Очень привычная история.

Хед сказал это без сочувственного нажима. Роман посмотрел на шесть этикеток и понял, что история действительно могла быть привычной для любого мира. В ведомости оказался правильный вес и неправильный человек.

— Можно вернуть?

— Пока не улетело — можно многое. Ты будешь долго спрашивать?

Роман развернул колёса и сжал правую ручку. Капсула повернулась слишком резко и стукнула боком по перегородке; медное тело в соседней ячейке отдёнуло ноги. Он извинился, выровнял колёса и поехал за Хедом.

На выходе их остановило чёрное существо. Оно приложило прибор к капсуле, потом к груди перевозчика и подняло поперёк прохода тонкую створку. Роман не успел подумать, как её объезжать, — Хед уже заговорил. Быстро, тихо, почти не шевеля ртом. В какой-то момент снял с груди блестящую дверную ручку и показал служителю.

Створка поднялась.

— Что это? — спросил Роман, когда они оказались в коридоре.

— Личный залог. За тебя.

— Сколько?

— Если вернёмся — ничего. Если нет — корабль. Не отвлекай.

Путь шёл через грузовой зал. Воздух здесь был холоднее; по внешней стенке капсулы поползла изморозь. Роман уменьшил скорость перед первым узким поворотом и тут же увидел вдали движущуюся платформу. На ней лежали три продолговатых контейнера, а сверху — прозрачная коробка с медным существом.

Этикетка с лицом Вересовой повернулась к нему.

— Вот!

Хед побежал. Роман вжал ручку; капсула набрала скорость, вода придавила его к задней стенке, и на мгновение мир сузился до приборной рамки. Он отпустил рычаг перед поворотом, но заднее колесо всё равно задело стойку. Понеслось металлический звон. Роман оглянулся: трубки на месте, давление сохраняется. Ехать можно.

Платформа уже входила в узкий шлюз. Хед кричал погрузчику и одновременно махал в сторону Романа. Тот понял только жест остановки. Чужой рабочий у пульта показал на светящуюся полосу над воротами, будто от него здесь ничего не зависело.

Роман подъехал к самому порогу. Капсула не проходила: выступы задней коробки были шире ворот. Он увидел это, остановился и всё равно ещё раз прикинул расстояние, словно взгляд мог сжать собственные жабры вместе с системой питания.

Внутри шлюза платформа замерла. Верхний контейнер дёрнулся; медное тело приподняло передние ноги и снова опустилось. Оно не видело Романа. От его панциря тянулся короткий шнур с закрытым прозрачным концом.

— Мне нужна коробка, — сказал Роман. — Только верхняя.

Хед уже спорил с рабочим. Плечевой голос перескочил на русский:

— Нельзя выходить под автоматическую руку. Она сейчас переставит груз.

— А остановить?

Рабочий ответил односложно. Хед показал Роману нижнюю часть пульта. Там горел большой круг и рядом маленький квадрат.

— Он остановил движение платформы. Рука продолжает своё. После передачи можно снять на той стороне.

— Сколько до той стороны?

— Через переход, — сказал Хед. — Далеко.

Роман поднял глаза. Над платформой уже двигалась широкая металлическая скоба. Её захват опускался к верхнему контейнеру. У рабочего под локтем висела длинная жёлтая

тяга с раздвоенным концом. Ею можно было придерживать мелкий груз.

— Попроси подать коробку этой штукой. Не заходя под руку.

Хед перевёл. Рабочий замахал тонкими кистями: захват уже шёл, менять положение запрещено. Тогда Хед снял с груди второй предмет, плоский и тёмный, и положил на пульт. Рабочий на секунду перестал говорить. Ударил ладонью по маленькому квадрату.

Скоба замерла над контейнером.

— Так можно было? — спросил Роман.

— Теперь он обязан объяснять, — сказал Хед. — Вместе со мной. Бери.

Рабочий подцепил контейнер жёлтой тягой. Приподнял, медленно провёл под неподвижной скобой и опустил возле порога. Роман выставил руки в манжетах, взял коробку снизу. Она оказалась легче ожидаемого. Медное тело внутри дрожало, кончики ног скребли прозрачную стенку.

Хед забрал тёмную платёжную пластину; на ней теперь светился новый знак. Потом принял коробку у Романа и прижал к груди. Они вернулись без бег. У первого прохода Хед поставил коробку на стойку, показал блестящую ручку, и служитель снял с неё отметку залога. Роман подкатил вплотную к стойке. Медное тело внутри всё ещё дрожало.

— Тебе надо было сказать, что я могу заплатить, — произнёс он.

— Чем?

Роман молча посмотрел на воду вокруг собственной груди.

— Потом придумаешь, — сказал Хед. — Ты теперь мне должен не очень много. Пока.

* * *

Соединять части капитана пришлось сотруднице приюта. Она принесла собственный разветвитель, сняла закрытый конец шнура и долго проверяла рисунки света. Роман сидел рядом, не предлагая вмешаться. Среди земных приборов тоже встречались такие, к которым достаточно прикоснуться уверенно и неправильно один раз.

Капитан молчала. Все семь медных тел лежали теперь вдоль одной стены, в открытых ячейках, связанных тонкими световыми жилами. Одно время шевелилось третье, потом движение прекратилось. Роман смотрел на часы и считал секунды, пока не заметил, что считает дважды одни и те же.

— Не стойте, — сказал наконец знакомый голос. — То есть не плавайте. Вы меня нервируете.

— Алла Андреевна?

— Опять.

Вода внутри капсулы вдруг стала тесной. Роман наклонился вперёд, прижал ладони к стеклу и рассмеялся. Капитан подождала. Потом одно из медных тел поднялось на ноги и

подошло ближе.

— Вот этот бок я сейчас вижу лучше, — сказала она. — Как вы?

— Нас собрали неправильно.

Вересова молчала так долго, что он испугался нового разрыва.

— Вас ещё довольно кучно, — ответила она. — Меня хотели разослать.

Одно тело осталось возле него, другие начали осторожно двигаться в ячейках. Роман видел, как шнуры скользят по полу, и старался не смотреть на них слишком пристально.

— Вы знаете про Веру?

— Знаю, куда её отправили. Это не то же самое, что знаю, где она сейчас.

— Она жива?

— Была жива на записи. Три местных рейса назад. Мир Ард. Там умеют делать летающих.

Роман невольно поднял глаза к потолку. На секунду представил Веру в чужом кресле, среди крыльев других пассажиров, раздражённую задержкой вылета. Почти нормальная картина. Он держался за неё, пока капитан не сказала:

— Звягин, она там летает сама.

Глава 5. Маленькая комната

Встречу назначили в маленькой комнате, и капитан в неё не поместилась.

Два медных тела вошли под стол, третье остановилось возле двери. Остальные остались в коридоре, где сотрудница приюта расставила вокруг них низкие предупредительные ограждения. По ограждениям шли световые жилы. Люди здесь были редкостью, но трудные посетители, судя по запасу приспособлений, случались постоянно.

— Если начнётся что-нибудь важное, позовите остальную меня, — сказала Вересова.

Роман улыбнулся и подвинул капсулу к стене. В комнате стало совсем тесно. Напротив него сидел белый шестиногий человек, прижимая к груди плоскую папку; у окна стояла высокая фигура в толстом сером покрытии. Из-под покрытия выглядывал узкий светлый нос и чёрные глаза, расположенные слишком далеко друг от друга.

— Софья? — спросил Роман.

— Лучше поздно, — ответила фигура. — Я тебя сразу узнала. По тому, как едешь прямо на чужие ноги.

Софья Уткина была врачом «Перевала». Перед рейсом она привезла в док крошечный чемодан и огромную коробку с термосами; все смеялись, пока не выяснилось, что термосы предназначены для лекарства, а не для чая. Теперь она сама

была завернута в собственный переносной холод. Из горловины покрытия тянулся тонкий шланг.

— Тебе холодно?

— Мне жарко. Это разные неприятности. Не трогай застёжки.

Роман убрал руку, которую успел протянуть без мысли. Белый человек осторожно поднялся на передних ногах.

— Павел Сотник. Я летел во втором пассажирском.

— Помню. Вы играли нам перед выходом.

— Один раз.

— Омар просил второй.

— Омар просил, чтобы я перестал. Вы перепутали.

Все трое засмеялись. Даже капитан, хотя её смех прозвучал из коридора и заставил кого-то снаружи остановиться. На несколько секунд комната стала корабельной кают-компанией: слишком тесной, с усталыми людьми и шуткой, которую не обязательно было объяснять.

Потом Софья попросила Романа повернуть голову.

— Я не собираюсь тебя лечить, — предупредила она. — Просто посмотрю, что мне прислали. Дай показания.

Он развернул к ней кольцо. Софья сопоставила его экран с папкой, которую держал Павел, спросила, что Роман ел, когда в последний раз оставался без потока, сколько времени голова была в воздухе. Записывала ответы в плоскую пластину; пальцы у неё были тонкие и слишком длинные для прежней привычной быстроты.

— Больше так не делай.

— Не понравилось.

— Тебе много чего не нравилось, ты всё равно повторял.

Роман хотел пошутить про врачебную память, но Софья в этот момент подняла голову, и он увидел, как ей трудно удерживать взгляд на его шее. Не брезгливость. Скорее усилие не начать проверять то, чего она пока не умеет проверить.

— Ты сама как?

— Холодная. Голодная. Очень злая на медицинское образование, которое внезапно кончилось. Но к вечеру обычно лучше.

Павел открыл папку. Внутри лежали гибкие листы с чужими знаками и земными фотографиями. Роман узнал себя на удостоверении: щека небритая, губы сжаты, взгляд в сторону человека, потребовавшего переснять. Ему было двадцать девять. Он так и не поменял ту фотографию.

— Приют получил это вместе с нами, — сказал Павел. — И список выдачи. Нам обещают, что всё исполнено.

Капитан подвинула одно тело к его ногам.

— Читайте вслух, как в прошлый раз. Роман должен услышать.

— По аварийному событию земного транспорта произведено двадцать четыре успешных продолжения. Незавершённых и утраченных нет. Получатели распределены по пригодной среде. Возврат к исходному месту невозможен ввиду утраты маршрутной основы.

Павел захлопнул папку сильнее, чем собирался. Лист с фотографией выскользнул. Роман поймал его левой рукой, в тонкой внешней перчатке, и некоторое время держал своё прежнее лицо между четырьмя пальцами.

— Двадцать четыре, — повторил он. — Нас было двадцать.

— Меня семь, — сказала капитан. — Они считают тела. Получается восемнадцать человек.

— Двоих нет.

— Пока не знаю. Может быть, двоих отправили другим путём. Может быть, кто-то в этой бумаге тоже посчитан не так. Я запросила поимённый список. Мне прислали это ещё раз.

Софья села на край низкой опоры, не сняв охлаждающего покрытия.

— Четыре дня назад я получила ответ, что нам требуется восстановление от тревоги. В ответе меня назвали врачом. Что особенно приятно.

— Кто прислал?

Павел провёл по обложке папки. Над ней возникло изображение существа с широким красноватым корпусом. По его передней стороне шло несколько светлых линий, а между линиями открывались небольшие подвижные створки. Существо не походило ни на Ивру, ни на Хеда.

— Савр. Глава дома, который всё это организовал. Я с ним не говорил. Только письмо.

— Он здесь?

— Нет, — ответила капитан. — Он на Треке. Там основной архив. Туда же отправили часть наших.

Роман положил фотографию на стол.

— Тогда поедem к нему.

— Вы пока до туалета не доедете без схемы, — сказала Софья.

Он замер. Этот вопрос, очевидный для любой живой формы, до сих пор не приходил ему в голову. Павел отвёл взгляд, капитан пошевелила ногами под столом.

— Система отводит, — сказал Роман с преувеличенным достоинством. — Уже устроено.

— Поздравляю. Теперь устроим еду на дорогу, запас дыхательной воды, обслуживание, крепление в корабле и человека, который сумеет заметить, что тебе плохо, раньше твоего объяснения, что всё отлично. Потом можно геройствовать.

— Я не геройствую.

— Тогда тем более.

Вересова дождалась, пока они замолчат.

— У Хеда короткий рейс на Ард. Я хочу попросить довезти нас туда. Вера и Омар были отправлены именно на Ард, ещё Шустовы — мать с сыном. На записи они живы. Зоя сама отвечала на вопросы. Отца в записи нет.

Роман вспомнил мальчика из соседнего прохода — длинного, нескладного, с вечными наушниками. Тот всё время

снимал корабль, а отец просил сначала помогать матери, потом снимать. Семён Роман один раз показывал ему запасной привод, строго велел ничего не выкладывать в общий доступ; через час обнаружил, что сам рассказал гораздо больше, чем следовало.

— Антон был в другом отсеке?

— Зоя на записи говорила, что последнее помнит его рядом. Что случилось потом, я не знаю.

— А вы помните сам удар?

Капитан не ответила сразу. Из коридора донёлся стук: кто-то задел её ограждение. Один из медных организмов поднялся и отошёл от двери; голос вернулся ближе.

— Помню, как приказывала покинуть рабочие места. Помню второе предупреждение. Дальше — белая поверхность, и чужой голос предлагает мне определить направление. Никакого героического последнего решения у меня нет. Я бы очень хотела, чтобы было. Но нет.

Роман медленно повернул лежавшую на столе фотографию. На обороте стояла дата старого удостоверения. Чужим было достаточно этой маленькой карточки, чтобы показать ему его собственное лицо. Для тела требовалось гораздо больше, и всё это большее куда-то пропало.

— У меня лестница, — сказал он. — Я собирался выйти и помню лестницу.

— Значит, твоя запись закончилась там, — произнесла Софья. — Не заставляй себя придумывать следующие сту-

пеньки.

Он хотел сказать, что ничего не придумывает. Вместо этого спросил:

— Кирилл?

Капитан чуть подалась вперёд своим ближайшим телом.

— Его ни в одной доставленной мне записи нет.

Кирилл Ежов был вторым пилотом. Ему было тридцать, и на последней неделе он всё пытался научить капитана игре, в которой требовалось строить город на спине движущейся горы. Вересова злилась, потому что жители города не выполняли никаких разумных приказов. Роман так и не понял, играла она всерьёз или только хотела, чтобы Кирилл наконец от неё отстал.

— Найдём, — сказал Павел.

Капитан не поблагодарила и не подтвердила. Отодвинулась, освобождая Софье место для ног.

* * *

На ночь их поселили в одной большой комнате. Это стоило приюту перестановки нескольких перегородок, и служитель долго показывал на следы прежних креплений, объясняя, какого труда потребовала просьба. Роман кивал. Он был готов выслушать гораздо больше, лишь бы человеческий голос продолжал звучать рядом.

Капитан устроилась вдоль дальней стены. Между её тела-

ми оставили проходы, поверх шнуров положили яркие дуги. Софья легла в холодный мешок, открыв только лицо. Павел долго ходил вокруг своего ложа, пытаясь решить, на какую сторону лучше опуститься.

— Все шесть согни сразу, — посоветовал Роман.

— Ты сначала свой хвост убери.

Хвост лежал внутри капсулы. На этот раз Роман не стал уточнять. Попросил Павла повернуть наружный экран так, чтобы всем было видно. Там сохранялась карта доступных маршрутов. Никакой Земли. Тиора, Ард, Трек, ещё два десятка названий и множество тонких линий между ними.

— Как они вообще нас прочитали? — спросил Павел. — Там же наш язык.

Софья ответила из мешка:

— Язык как раз удобнее, чем тело. Есть картинки, голос, сопоставление действий. Они занимаются чужими записями давно. И не всё понимают. Мне предложили опорное кольцо для того, что называли печалью нижней конечности.

— Это что?

— Сама хотела бы знать. Подозреваю старую жалобу на колено.

Капитан тихо засмеялась. Несколько её тел повернулись одинаково, и Роман впервые увидел в этом движении привычный наклон головы Вересовой. Не сходство внешности, а короткую паузу перед ответом.

— Мне предлагали успокоить среднюю, — сказала она. —

Теперь я думаю, не зря ли отказалась.

Павел всё-таки лёг. Три ноги поджал, три вытянул. Некоторое время прислушивался к себе, потом удовлетворённо провёл ладонью по груди.

— А если на Земле тоже... — начал он и остановился.

Роман посмотрел на него. На белой поверхности почти не было лица, только широкие тёмные глаза и мягкий край рта.

— Что?

— Ничего. Сначала доехать.

Свет постепенно приглушили. В капсуле продолжало тихо журчать. Роман не мог лечь, как остальные, и ему казалось, что он один несёт вахту. Слева дышала Софья, у противоположной стены иногда цокали ноги капитана. Павел долго не спал; один раз уронил папку, долго подбирал листы и очень тихо выругался по-человечески.

Роман открыл на кольце маленькое поле записи. Набрал Верино имя. Посмотрел на буквы, потом добавил: «Я нашёл капитана. Я еду».

Отправить было некуда. Он сохранил сообщение и погасил экран.

Впервые после пробуждения спать захотелось сильнее, чем проверять, жив ли он.

Глава 6. Билет на живого

У продавца билетов было человеческое лицо Романа.

Не совсем его: кожа слишком ровная, глаза не того цвета, улыбка шире, чем он позволял себе даже на чужой свадьбе. Однако фотография со старого удостоверения угадывалась сразу. Лицо висело над прилавком, а за прилавком сидело низкое существо с плотным оранжевым воротником.

— Вам будет удобно, — сказала лицо. — Понятная форма общения.

Роман остановил капсулу.

— Уберите.

— Мы выбрали по вашей регистрационной...

— Уберите мою голову.

Оранжевое существо вздрогнуло. Лицо исчезло, на его месте появилась нейтральная светлая полоса. Павел стоял рядом и смотрел на прилавок. Софья осталась в приюте, проверять, достаточно ли запасного холода для пути. Капитан сопровождала их целиком: семь медных тел занимали полкоридора, соединённые гибкой связью, которую Хед помог собрать вместо стационарной коробки. На самом заднем лежала папка с документами. Алла уже научилась брать её собственными ногами, хотя раздражалась всякий раз, когда лист уползал из захвата.

— Нам четыре места на Ард, — сказала она. — Живой

перевоз.

— Какой объём памяти?

— Живой, — повторила Вересова.

Продавец коснулся прилавка. Перед ними открылся вид узкого блестящего корабля. По его борту шли крошечные ячейки, одинаковые, как банки на кухонной полке.

— Ускоренная доставка. Индивидуальный номер, подтверждение прибытия, покрытие неудачного чтения. Принимающая форма выбирается из доступных. Дорого только первое считывание.

— А мы здесь куда денемся? — спросил Павел.

Оранжевый воротник медленно расправился.

— Вы можете оставаться. Стоимость содержания не входит.

Роман посмотрел на узкий корабль, потом на капитана. Одно из медных тел поворачивалось на месте, будто искало выход.

— То есть туда приедут другие? — спросил он.

— Прибудет продолжение. Вы можете выбрать окончание местного состояния.

Павел шагнул назад так резко, что задел капитанский шнур. Алла выругалась, он сразу опустился и освободил связь из-под ноги.

— Не надо продолжения, — сказал он продавцу. — Надо нас. Всех, сколько стоит перед вами. До живой женщины, которую мы ищем.

Продавец наконец понял. Корабль исчез. В открывшемся поле было гораздо меньше строк и гораздо больше знаков возле каждой.

— Грузовой объём. Специальные среды. Ответственный на приёме. Предварительное размещение. Живой перевоз не производится этой кассой.

— Спасибо, — сказала капитан. — Теперь хотя бы ясно.

Они отъехали к стене. Павел некоторое время молчал, потом спросил Романа:

— Он всерьёз предлагал меня кончить?

— Думаю, он всерьёз продавал билет.

Роман сам не был уверен, что понял все слова. От этого становилось ещё хуже. Он представил, как на Арде из очередного резервуара вылезает другой серый человек с его воспоминанием об этом прилавке. Встречает Веру, говорит, что нашёл капитана, обнимает её, если умеет. А он сам остаётся тут, внутри воды, оплаченной по часам.

На потолке вспыхнуло сообщение. Переводчик поймал несколько слов: «Земные получатели. Сопровождение найдено. Оставайтесь в зоне ожидания».

Капитан остановилась.

— Мы сопровождение не заказывали.

Роман поискал Хеда. Тот должен был прийти за ними после регистрации груза, но в коридоре его не было.

Из бокового прохода вышли два существа в одинаковых серебряных поясах. Между ними катилась низкая тележка с

мягкими перегородами. На передней стороне тележки стоял знак приюта — тот же, что на выдачной папке.

Одно из существ показало на капитана. Второе потянуло руку к заднему медному телу.

— Не трогать, — сказала Алла.

Рука остановилась.

— Для удобства перевозки, — ответил пояс по-русски. —

Предоставлено сопровождение до места лечения.

— Мы оттуда пришли.

— Сопровождение предоставлено.

Капитан повернула переднее тело к Роману. Он не видел лица, по которому мог бы определить намерение, но по голосу понял: сейчас она злится по-настоящему.

— Вы видели у Хеда личный знак?

— Видел.

— Он объяснил, что он означает?

— Залог.

— Хорошо. Позовите его. Пусть выяснит, кто отвечает за перевозку и от чьего имени эти двое нас забирают.

Роман открыл контакт на кольце. Хед ответил не сразу. За его голосом грохотало, словно перевозчик находился внутри большого барабана.

— Ты сломался?

— Пока нет. Здесь хотят забрать капитана.

— Пусть подождут.

— Мы тоже так думаем.

Хед появился через несколько минут, раздражённый и без верхней повязки. У него на груди виднелся широкий старый шрам. Он осмотрел тележку, что-то спросил у одного из сопровождающих и выслушал ответ, не меняя выражения складчатого лица. Потом указал на свой плечевой прибор.

— Перевод будет полный, — сказал он людям. — Не мешайте.

Выяснилось, что распоряжение пришло из спасательного дома на Треке. Землянам предписывалось продолжить наблюдение в приюте до общего решения; расходы на самостоятельный путь не подтверждены. Люди в серебряных поясах не были охраной. Они перевозили нуждающихся и должны были вернуть получателей по адресу, за который платили.

— Мы не хотим возвращаться, — сказала Алла.

— Тогда нужно ваше подтверждение отказа, — ответил сопровождающий. — И подтверждение, что места на дороге существуют. Мы отвечаем за тех, кого оставили без приспособленной среды.

Капитан приблизилась к тележке. Три её тела остались позади, придерживая связь; остальные легли вокруг передней стойки.

— Вы спросили бы до того, как брать?

Сопровождающий посмотрел на семь организмов. Впервые, показалось Роману, посмотрел именно на них, а не на назначение в приборе.

— Кто из вас отвечает?

— Я, — сказала Алла. — Приберите тележку, я объясню.

Разговор занял долгое время. Хед снова надел повязку, Павел отошёл к краю коридора, где на стене висела карта путей, а Роман следил за расходом собственного запаса.

В конце сопровождающие убрали тележку. Хед показал им свою маршрутную запись. Один из поясов погас, второй выдал длинную строку, которую Алла подтвердила касанием сразу двух передних тел. Видимо, одному здесь уже не поверили бы.

— За ваше размещение на Арде пока не заплачено, — предупредил сопровождающий.

— Разберёмся на месте, — сказал Хед.

Когда они ушли, капитан повернулась к перевозчику.

— Зачем вы это сказали? У нас ещё нет договора.

— Теперь будет. У меня стораёт время, пока вы объясняете, сколько вас. Пойду за холодной.

— Её зовут Софья.

— Я знаю. Она уже дважды велела мне подписать воду.

Он ушёл, и Роман посмотрел на часы. Двадцать два часа сорок одна минута. За это время он научился управлять колёсами, вытащил часть капитана из посылки и отказался от своего первого межзвёздного билета.

* * *

Перед выходом им выдали запасы и счёт.

Счёт оказался не таким большим, как боялся Роман. Действовавший спасательный пай покрывал питание и обычный переезд до подходящей среды. Хед брал доплату за занятое место, личную воду и то, что капитан числилась в одном отпращивании сразу семью упаковками. Вересова отказалась подписывать последнее слово. После долгого перевода его заменили на «части пассажира».

— Лучше? — спросил Хед.

— Не очень. Но можно ехать.

Она подписала обязательство из своего пая и сохранила копию. Роман попытался добавить собственный долг за седьмую часть. Хед сказал, что долг записан отдельно, и перевёл разговор на расположение грузов.

Павел сидел возле входа в корабль и держал маленькую пластину. На ней светились строчки по-русски. Когда Роман приблизился, пассажир закрыл текст ладонью.

— Пишете домой?

— Пробую. Ксюша не любит, когда я начинаю с хороших новостей, а потом объясняю, почему приехать не могу.

— Сейчас хорошие хотя бы есть.

Павел поднял глаза.

— Написал «жив». Дальше всё выходит хуже.

Роман не стал предлагать фразы. В собственном сообщении тоже было всего две строки.

Капитан прошла мимо них. Её передние тела уже втянулись в корабль, задние ещё оставались на настиле. Из-за две-

ри раздался знакомый раздражённый голос:

— Звягин, не задерживайте мои ноги разговорами.

Павел поднялся, убрал пластину и осторожно переступил через последнюю световую жилу.

— Всё-таки напишу «жив», — сказал он. — Она с этого умеет читать дальше.

Глава 7. Перед белой чертой

В корабле Хеда не было места, которое можно было назвать рубкой. Управление занимало круглый пояс вокруг переднего помещения. Пилот садился в середине, притягивал к себе нужную часть пояса и оставался смотреть наружу, пока приборы двигались вокруг него.

Роман стоял капсулой в грузовом углублении, откуда видел примерно треть переднего окна. В оставшейся части окна жила капитан: два её тела лежали на высокой полке справа, одно закрепили у левого борта, ещё четыре устроились внизу, между грузовыми рамами. Каждая полка была отдельным местом, а между местами шли световые шнуры. Софья потребовала закрепить шнуры к стенам. Хед позволил, но велел не перепутать их с линиями собственного управления.

Павел занял низкую сетку напротив Романа. Передние руки у него оставались свободными; остальные конечности пришлось притянуть широкими ремнями. Он несколько раз просил ослабить один и тот же ремень, пока Софья не сказала, что проблема находится в другой ноге.

— У меня раньше были две, — оправдался он.

— У меня тоже было много удобного.

Она прошла к своему охлаждаемому месту. На борту у него уже висела надпись: «Не открывать из заботы». Роман узнал почерк капитана в изогнутых русских буквах. Кто-то

успел найти прибор, способный печатать их язык, и это было почти так же приятно, как голоса.

Хед проверил всех по очереди. Начал с груза, потом подключил людей. В трёх больших ящиках лежали нитевики — прозрачные живые нити, собранные в тёплые пучки. Их везли в мастерские Арда, где из них выращивали чувствительные поверхности. Нити не были разумными, сказал Хед, однако добавил это с таким раздражением, будто уже устал оправдывать необходимость заботы о неразумном.

Один ящик был старым, с потемневшими углами. На нём висела небольшая бумажная метка — единственная настоящая бумага среди гладких пластин и живых поверхностей. Роман заметил, что перед закрытием Хед коснулся метки пальцем.

— Ваше?

— Моей сестры. Два года растила, один раз уже потеряла отправление. Если снова не привезу, она перестанет со мной разговаривать. Это дорого.

— Два года молчания?

— Её молчание дороже времени.

Роман подумал о Нине. Сестра могла два часа говорить с ним о том, почему он не позвонил на прошлой неделе. Сейчас он с удовольствием выслушал бы все два.

«Непоседа» отошёл от приюта. Через переднее окно было видно, как огромная стена станции сужается и приобретает кривизну. Приют оказался пристройкой к кольцу, внутри

которого медленно двигались другие корабли. Часть летела в одну сторону, часть в противоположную; между потоками тянулась яркая белая полоса.

— Там переход? — спросил Роман.

Хед кивнул не головой, а передней стороной корпуса.

— Вход в ход. Сам ход не видно.

— Он искусственный?

— Искусственно удерживается. Поставили до моего рождения. Кто первым нашёл, спорят. Я не участвую.

Капитан подала голос с верхней полки:

— Наш корабль так не ходил.

— Я видел ваш корабль только на картинке, — ответил Хед. — Он многое делал странно.

Роман не стал обижаться за «Перевал». Человеческий транспорт пользовался собственным дальним приводом, которому требовались вычисленная опора и длинный разгон. Их рейс был обычным для освоенного края, хотя обычность измерялась десятками успешных перелётов, а не тысячетелениями. Здесь корабли входили в чужой готовый ход, будто в реку с обозначенным берегом. Где река выходила, знали те, кто поддерживал вход.

Он спросил, можно ли выбрать другой выход уже внутри.

— Можно повредить судно, — сказал Хед. — Это самый доступный выбор. Другие выходы выбирают до белой черты.

Капитан уточнила время. До Арда оставалось почти двое суток местного пути, включая ожидание на выходе. Длинные

расстояния не превращались в короткий разговор: за концом хода нужно было пройти пространство до планеты. Почта могла обогнать их на малом курьере, но ответ Веры следовало ждать уже на месте.

Роман отправил сохранённые две строки через Хеда. Приложил запись голоса и указание на капитана. На экране появилось «принято к передаче»; он дождался следующей отметки, не дождался и закрыл окно. Ивра предупреждала не ждать возле прибора. Он не подозревал, что это окажется труднее управления колёсами.

Перед белой чертой корабль остановился. Внутри продолжала действовать небольшая тяжесть, удерживаемая вращением жилой секции. Хед повернул приборный пояс, и одна из его поверхностей оказалась возле Романа. На ней двигалась цепочка точек. Последняя была обведена.

— Это мы. Входим за длинным. Руки убрать, лишнее закрепить. Если услышите мой голос два раза, отвечайте первому. Второй может быть задержкой.

Павел посмотрел на капитана.

— У нас тут сразу семь. Кому первому?

— Начните с вежливого, — ответила Алла.

«Непоседа» качнулся. Белая полоса расширилась; дальний конец кольца пропал за ровным сиянием. Роман почувствовал лёгкое давление на лицо, хотя приборы не показывали перемены. Тело отреагировало раньше мысли: дыхательные складки закрылись на мгновение и снова раскрылись,

вода толкнула горло.

Хед не смотрел на сияние. Он следил за маленькой тёмной областью в нижней части пояса.

— Длинный вошёл, — сказал его голос.

Через секунду он повторил то же самое. Павел уже открыл рот, но вовремя закрыл. Роман неожиданно вспомнил свою старую начальницу на земной верфи, которая тоже часто повторяла очевидное и очень сердилась, если отвечали не вовремя.

Корабль дёрнуло в сторону.

Металлическая рама у потолка щёлкнула, и старый ящик с нитевиками сдвинулся на несколько сантиметров. Хед выругался на своём языке. Переводчик оставил ругань как есть, что показалось Роману благоразумным.

— Не вставать, — сказала капитан.

Она говорила людям. Хед уже находился на ногах, держась двумя руками за приборный пояс. В переднем окне мелькнула огромная серая поверхность. Она была близко — слишком близко для корабля, который только что шёл впереди.

— Длинный потерял положение, — произнёс плечевой голос. — Отрыв от потока. Держу бок.

Роман увидел, как на схеме обведённая точка отодвигается от соседней. Хед не пытался остановиться. Корабль медленно разворачивался, позволяя серой поверхности пройти вдоль борта. Свет в грузовом углублении мигнул; сразу за-

горелся второй, жёлтый.

Старый ящик поднялся одним углом. Ремень, удерживавший его, был цел, но нижняя рама соскочила из гнезда. При следующем толчке ящик ударил бы в капитанскую полку.

— Хед, груз справа! — крикнул Роман.

— Вижу. Не держать руками!

Хед не мог оставить управление. Роман тоже не мог выйти: капсула была частью крепления в углублении, и сняв её сейчас, он пустил бы по кораблю несколько сотен килограммов воды. Он оглянулся на Павла. Тот уже смотрел туда же, но между его сеткой и ящиком оставалась дистанция в длину руки.

— У твоей левой ноги есть петля, — сказал Роман. — Жёлтая. Видишь?

— Их тут три!

— Та, что в стене. Потяни свободный конец. Не отстёгивай себя.

Павел наклонился, насколько позволяли ремни. Длинные белые руки дотянулись до стены. Он вытянул петлю и оглянулся.

Капитан заговорила сверху:

— Правее, ниже, теперь...

— От кого правее? — перебил Роман.

Пауза оказалась короткой, но за неё ящик сдвинулся ещё.

— От Павла. Смотрю с верхней полки. Петля должна пройти за ближнюю раму. Павел, я у вас над головой.

Он поднял глаза, увидел медное тело и повернул петлю. Роман выставил правую руку через манжету, поймал свободный конец. До крюка на полу не доставал. Пришлось подать верх тела вперёд, выпрямить локоть до боли и прижать грудь к передней стенке. Четыре пальца не хотели удерживать тонкий шнур. Он обвил его вокруг ладони и вытянул дальше.

— Не тяни на себя! — крикнул Хед.

Роман отпустил натяжение. Зацепил петлю за крюк двумя пальцами, убрал руку. Павел выбрал слабинку с другой стороны. Ящик замер под углом, не достигая капитанской полки.

В этот момент «Непоседа» снова дёрнулся. Из заднего крепления капсулы выскочила небольшая коробка и ударилась об пол. Роман услышал треск раньше, чем увидел рассыпавшиеся белые пластинки.

На запястье мигнула рамка. Он проверил ток воды, запас газа, температуру. Всё пока оставалось в допустимом поле. Пострадал не рабочий блок, а одна из запасных кассет.

Серая поверхность за окном медленно уходила вверх. На ней проступили длинные борозды; между бороздами мелькали редкие огни. Чужой большой корабль всё ещё был цел. Хед говорил с ним коротко и зло, освобождая место в потоке. Потом отпустил одну руку, вернул пояс в обычное положение и выдохнул так, что по шее у него прошла глубокая складка.

— Прошли, — сказал он.

Второе «прошли» прозвучало через несколько секунд,

уже тише. Роман не стал отвечать ни на одно.

* * *

Софья выбралась из холодного места, когда Хед разрешил снять ремни. Первым делом подошла к капсуле, прочла показания и заставила Романа убрать руки внутрь. Потом помогла Павлу освободить петлю. Тот пытался шутить, но голос у него срывался.

— У вас хорошо получилось, — сказала капитан.

— У вас тоже, — ответил он. — Когда стало понятно, чьё право.

Алла не обиделась. Одно из её тел спустилось с полки и присело возле разбитой коробки.

Хед поднял запасную кассету, повернул к свету. Белые пластины внутри треснули и потемнели по краям.

— Не ставить, — сказал он. — Неисправное не брать только потому, что жалко.

— Я знаю, — ответил Роман.

Он знал, но всё равно смотрел на коробку так, как раньше смотрел на деталь, которую ещё можно было обойти другой схемой. Хед уложил кассету в отдельный пакет и прикрепил к стене.

— До Арда хватает. Там понадобится замена. За повреждённых нитевиков ты ничего не должен: груз стоял мой.

— Я полез без спроса.

— И груз остался мой. Довольно.

Перевозчик открыл старый ящик. Нити внутри медленно распускались под тёплым светом. Несколько пучков порвались, но большая часть оставалась живой. Хед осторожно развёл их тонкой пластиной, вытащил повреждённое и долго стоял, держа в руке бесполезный прозрачный комок.

Роман подумал, что сейчас надо что-нибудь сказать про сестру. Ничего подходящего не нашёл.

Капитан попросила погасить в грузовом углублении один светильник. Потом другой. Она двигалась между своими полками, проверяя связь, и каждый раз предупреждала, откуда смотрит. Это звучало непривычно и раздражало её; к третьему разу она перестала извиняться.

Павел вернулся в сетку. Из его голосового прибора тихо пошла мелодия — обрывок, едва различимый за работой корабля. Он сам не заметил, что напевает. Роман слушал и пытался вспомнить название. Не вспомнил, но перед глазами появилась их старая кают-компания: Кирилл стучит пальцем по краю стола, Софья несёт чай, Вера запрокинула голову и смеётся над тем, как капитан требует убрать ноги с ящика.

Роман попросил Павла не останавливаться.

— Я не умею теперь, — сказал тот.

— Пока так.

Павел начал снова, с первого такта. Вода не мешала слышать.

Глава 8. Высота под руками

Вера упустила мешок и почти обрадовалась.

Он ушёл вниз, к длинной тёмной крыше, а она сразу стала легче. Крылья, которые секунду назад приходилось удерживать против тяжести груза, сами подняли её в тёплом потоке. Она успела подумать, как хорошо было бы продолжить, не оглядываясь. Подняться выше крыши, выше сигнальных мачт, к белой гряде облаков, где воздух пах холодной пылью.

Потом вспомнила, что в мешке лежат чужие деньги.

— Не ныряй за ним! — крикнул в наушнике Эв.

Вера уже начала складывать правое крыло. Услышала команду, развернулась широкой дугой и увидела, как мешок ударился о крышу, подпрыгнул и застрял в желобе. Ничего не высыпалось. Это было самым хорошим событием после того, как мешок вообще перестал на ней висеть.

— Есть крыша, — сказала она. — Сажусь.

— На светлую полосу. Тёмное мягкое.

Она выбрала полосу, раскрыла крылья шире и пошла против ветра. Удерживать ноги вместе до последнего всё ещё хотелось по-человечески: тело помнило прыжки на землю, даже когда почти всё остальное уже училось не по-земному. Вера выставила ноги, коснулась поверхности и пробежала несколько шагов, позволяя крыльям погасить скорость.

Мешок лежал в двух десятках метров, дальше светлой по-

лосы. Она сложила крылья, спустилась к желобу по жёстким рёбрам крыши и подняла груз. Ремень лопнул у застёжки. Вера рассмотрела разрыв, потом собственную ладонь. Пять пальцев ей здесь не сохранили; четыре длинных были вполне удобны, пока дело не доходило до привычных земных застёжек. Застёжка мешка земной не была. Виновата оказалась она сама: закрепила ремень не в том ушке и надрезала его острым краем.

Эв опустился рядом без единого лишнего взмаха. Его крылья складывались вдоль тела почти плоско, Верины оставались высокой неровной аркой. Он всегда замечал, когда она пыталась насильно прижать их плотнее.

— Сначала сообщи, что груз цел, — сказал он. — Потом ругай себя.

— Груз цел. Я дура.

— Второе можешь не передавать.

Она отправила владельцу мешка короткий знак и фотографию. Эв подцепил порванный ремень тонким крючком на запястье. Рассмотрел.

— Теперь знаешь.

— Уже второй раз.

— Второй раз другой ремень. Учишься широко.

Вера засмеялась. Раньше Эв говорил через переводчик, с длинными паузами. Теперь общих слов хватало для простых объяснений, а прибор только достраивал то, чего они не могли произнести друг для друга. Чужая шутка иногда станови-

лась понятной раньше перевода. Это нравилось ей почти так же, как летать.

Эв был инструктором воздушного причала и считал, что в его обязанности входит научить восстановленную чужую не разбиться и не разорить заказчиков. Всё остальное он оставлял ей. Не спрашивал, счастлива ли она теперь, не объяснял, как велик долг перед спасшими. Однажды предложил дать ему земное имя, если так удобнее. Вера отказалась: собственных знакомых на этой высоте у неё и без того было слишком много в голове.

Он закрепил мешок на своей подвеске.

— Эту часть неси взглядом. Смотри за нижним потоком. У тебя это лучше.

— Ты меня утешаешь?

— Я не хочу ещё один мешок с крыши.

Они поднялись вместе. Вера держалась выше и правее, в той полосе воздуха, где ей было легче видеть впереди движущиеся тени. Под ними расходились огромные платформы причала. Одни крепились к скалам, другие висели на толстых стволах, уходивших в низкую облачность. Внизу лежала плотная рыжеватая мгла. На Земле она заставила бы Веру искать источник дыма; здесь уже стала привычной частью дальнего вида.

Она не знала, как выглядел Ард целиком. Карта показывала моря, острова и длинные горные хребты; названия переводились плохо. Её настоящим миром пока были четыре

воздушных пути, один жилой двор, мастерская подвесок и верхняя площадка, куда можно было прийти ночью и смотреть на звёзды. Этого хватало, чтобы просыпаться с удовольствием.

На Земле она тоже любила просыпаться. Когда Роман ставил чайник слишком громко, когда в окно бил дождь и можно было никуда не идти, когда мать звонила с утра и спрашивала, почему Вера отвечает сонным голосом. Но тело всегда было чем-то, что нужно приготовить к дню: размять больное после старой травмы колено, дожидаться, когда перестанет тянуть спину, заставить себя встать. Здесь желание двигаться приходило раньше любого дела.

Она не говорила об этом Омару. Тот скучал по своим прежним рукам так мучительно, что чужая радость казалась ему предательством. У него выросли длинные гибкие пальцы, соединённые чувствительной кожей; прекрасные для местной работы, неудобные для всего, к чему привык связист. Ему предлагали обучение, а он требовал инструменты с человеческими кнопками. Вера понимала его и всё равно уходила на площадку без него.

У приёмной башни Эв передал мешок. Владелец пересчитал содержимое, проверил разорванный ремень и записал Вере стоимость нового. Вера приняла запись и увидела, что после оплаты от заработка за этот рейс почти ничего не осталось.

— Будет повод работать завтра, — сказала она Эву.

— Завтра сильный боковой. Будет повод учиться на земле.

— На платформе.

— У вас всё должно быть названо два раза?

Она хотела ответить, но на браслете вспыхнул знак приюта. Сообщения оттуда приходили редко. Обычно о сроках осмотра, иногда о просьбе подтвердить состояние тела. На этот раз перед текстом стояло земное имя.

Роман.

Вера опустилась прямо на край башенного настила. Эв остановился рядом, увидел её лицо и молча отступил к внешнему ограждению.

Голос сказал: «Вера. Я нашёл капитана. Я еду».

Всего несколько секунд. Обычный голос, только напряжённый и чуть глуше прежнего. Вера включила снова. На втором прослушивании услышала за словами тихое журчание. На третьем — короткий стук, как будто Роман задел прибор пальцем.

Он всегда задевал приборы. Даже те, которые сам собирал.

Вера согнулась, упёрлась ладонями в колени и долго сидела так, не двигая крыльями. Эв ничего не спрашивал. Возле башни садились другие курьеры, звенели подвески, кто-то ругался из-за неправильно выставленного приёмного захвата. Мир не стал тише, и это спасало от мысли, что голос сейчас пропадёт вместе с ним.

Наконец она подняла голову.

— Он жив, — сказала она.

Эв коснулся собственного браслета.

— Здесь?

— Едет. Не знаю, сколько осталось.

Под сообщением была дата отправки и маршрут перевозчика. Вера открыла запись: приют, малый ход, выход Арда. Пассажиров четверо, тел десять. Она перечитала последнее и попыталась представить Романа. Не получилось. В приюте говорили, что его историю передали водным. Вера знала, что это значит; среди посетителей причала встречались водные капсулы. Но внутри каждой до сих пор были чужие.

— Ты можешь помочь мне ответить? — спросила она.

— Я могу отойти дальше.

Она рассмеялась и тут же заплакала. Слезы у нового тела были почти такими же. Вера удивилась этому в первый день, а теперь удивляться не хотелось.

Сообщение она записала с четвёртой попытки. В первых двух спрашивала слишком много. В третьей сказала, что всё хорошо, и остановилась, услышав собственную ложь. Наконец произнесла:

«Рома, я на Арде. Я тебя встречу. Не пугайся, пожалуйста, когда увидишь. Я очень по тебе скучала».

Послушала. Добавила:

«Капитану скажи, что я её обниму. Как-нибудь придумаем».

Отправила через приютский канал, который должен был передать запись выходной станции. Теперь ответ поедет им навстречу. Если повезёт — найдёт до посадки, если нет — она успеет сама.

Эв вернулся, когда она убрала прибор.

— Тебе нужен свободный день?

— Мне нужно место с водой. Настоящее, пригодное. И для капитана... — Вера посмотрела на запись о числе тел. — Кажется, много места.

Он спокойно кивнул.

— Начнём с того, что известно. Сколько воды?

— Пока не знаю.

— Тогда сначала узнаем. А потом я покажу тебе хороший двор. Хозяйка любит тех, кому трудно найти комнату. С них можно взять больше.

Вера посмотрела на него и вдруг почувствовала такое тепло, что снова захотелось плакать.

Она поднялась, расправила крылья и проверила ремни. Порванный грузовой ремень остался у приёмщика, новый ещё предстояло заработать. Два исправных держали её небольшую сумку и прибор связи. Всё остальное было её собственным телом.

Перед взлётом Вера посмотрела на небо. Там оставалась белая гряда, куда хотелось подняться с самого утра. Она пойдёт. Высота никуда не уходила, а Роман ехал к ней только сейчас.

Глава 9. Она села рядом

Ответ Веры пришёл, когда Роман ел.

Хед прикрепил экран к передней стенке капсулы, ничего не объяснил и ушёл. Роман уже подумал, что перевозчик опять показывает счёт, но вместо знаков появилась тонкая светлая полоска. Голоса было достаточно. Он замер с мягким питательным комком у рта и прослушал запись до конца.

— Капитана хочет обнять, — сказал Павел со своей сетки.

Роман посмотрел на него. Оказывается, звук шёл снаружи тоже.

— Надо было предупредить, — пробормотал он.

— Так предупреди в следующий раз. Мы отвернёмся.

Павел сказал это без обиды. Он уже поднялся, собираясь дать ему побыть одному, но Роман попросил остаться. После третьего прослушивания ему хотелось, чтобы кто-нибудь ещё подтвердил: это Вера, она говорит сама, она знает, что он придет.

Софья выглянула из холодного места и попросила включить только один раз, погромче. Капитан подползла ближайшим телом к экрану. Все слушали, как Вера обещает придумать объятие, и в конце Алла сказала:

— Пустим. Пусть пробует.

Никакого изображения в сообщении не было. Роман несколько раз открыл поле приложения, но там оставалась

только короткая запись маршрута. Он злился на себя за желание заранее посмотреть. Сам тоже не отправил снимок. Вдруг ему стало понятно, зачем Вера просила не пугаться.

До Арда оставалось десять часов.

Они прошли медленно. Хед спал, свернувшись в середине приборного пояса, который продолжал двигаться вокруг него. Иногда просыпался, менял положение двух поверхностей и засыпал снова. Капитан проверяла маршрутные сведения, пытаясь сопоставить чужую карту с тем немногим, что помнила о человеческом приводе. Софья считала оставшийся холод и питание; под конец велела Роману прекратить смотреть на запасную кассету, от этого она не срастётся.

Павел показал ему фотографию сына.

Мальчик стоял возле реки в расстёгнутой куртке. На плечах висел футляр, слишком большой для маленькой скрипки, но, как объяснил Павел, «маленькая» было слово, которое Илье произносить не следовало. За мальчиком виднелись перила набережной Северной Двины. Роман узнал место приблизительно и не стал делать вид, что знает точный участок.

— Ксюша сняла перед отъездом. Он хотел выбросить куртку, потому что она детская. Через два дня согласился надеть, потому что холодно.

— У моего племянника всё наоборот. Чем холоднее, тем взрослее.

Павел засмеялся, прижал фотографию ближе к лицу и за-

молчал. Роман перевёл взгляд на окно. Там уже проступал освещённый край планеты, широкий рыжевато-белый полукруг с мягкими полосами облаков.

На этой стороне неба летала Вера.

* * *

Садились на длинную открытую площадку, висевшую выше облаков. Сначала Роману показалось, что «Непоседа» подходит к мачте, но мачта росла, раздваивалась и превратилась в огромную решётчатую опору. Вдоль неё поднимались платформы. Между платформами скользили крылатые существа, слишком многочисленные, чтобы он успел рассмотреть хоть одно.

Хед разбудил всех заранее, проверил наружные крепления и сообщил, что местная тяжесть слабее земной, но падать всё равно больно. Павел попросил не рассказывать очевидное. Через минуту попытался подняться в сетке слишком резко и ударился макушкой о поперечину.

— Продолжай, — сказал он перевозчику. — Я не всё запомнил.

«Непоседа» подошёл к площадке боком. Снаружи его подхватили гибкие захваты, втянули в неподвижную раму. Хед остановил вращение жилой секции. Предметы стали весить иначе; вода внутри капсулы медленно перестроилась, и Роман почувствовал, как хвост поднимается со своего ложа.

Он пристегнул его дополнительной мягкой лентой, которую Ивра положила среди вещей. До сих пор не понимал, зачем она нужна.

Дверь открыли после проверки воздуха. Снаружи тянуло тёплым ветром. Роман видел это по движению тонких лент на настиле; сам ветер до него не доходил. Первой вышла Софья, закутанная в охлаждающее покрытие. Потом капитан — долго, по два тела, с остановкой после каждого поворота. Хед придерживал её связь. Павел спустился следом, заранее выставляя ноги шире.

Романа опустил грузовой подъёмник. Колёса коснулись настила, капсула тихо стукнула, и он оказался среди чужого дня.

Небо здесь было высоким, золотистым у горизонта и почти белым над головой. Вдали над облаками торчали тёмные вершины. Воздух двигался непрерывно; казалось, все сооружения приспособлены пропускать его сквозь себя. Даже стены имели щели и изгибы, а двери прикрывались несколькими перекрывающимися лепестками.

У ближайшего ограждения стояли два крылатых существа.

Роман сразу посмотрел на то, что выше. У него были тёмные крылья, узкая голова и яркая полоска вокруг плеч. Существо повернулось, и он понял, что ошибся. Второе, медно-белое, оставалось спиной к нему, разговаривая с обслуживающим площадку. Потом будто почувствовало взгляд и

обернулось.

Вера.

Он узнал её до того, как заметил лицо. По тому, как она чуть подалась вперёд, собираясь сказать что-то быстрое и неподходящее для торжественной минуты. Раньше в таком движении было колено, которое она берегла. Теперь всё тело легко перенесло вес на переднюю ногу.

Вера подошла почти бегом. Крылья шевельнулись за спиной, удерживая равновесие. Роман смотрел на них и никак не мог перевести взгляд к глазам.

— Ну здравствуй, — сказала она.

Голос шёл из маленького прибора возле её горла. Губы двигались иначе, не совсем совпадая с русскими словами, однако она произнесла их сама.

— Здравствуй.

Вера коснулась передней стенки капсулы. Ладонь была тёплого охристого цвета, с длинными пальцами и тонкой тёмной перепонкой между ними. Роман приложил свою изнутри. Стекло оставалось между ними.

— Ты воду не выпустишь, если... — Она показала на боковую манжету.

— Не выпущу.

Он просунул руку. Перчатка обняла пальцы, и Вера взяла его ладонь обеими своими. Под тонкой плёнкой чувствовались рёбра суставов. Ему хотелось сильнее сжать её, но он ещё плохо понимал силу новых рук и держал осторожно.

— Я боялся, — сказал он.

— Я тоже.

Она улыбнулась, и только теперь Роман увидел, насколько изменилось лицо. Узкое, с гладкими скулами, с небольшими светлыми пятнами возле глаз. Оно могло показаться красивым кому-то, кто не знал прежнего. Он знал. Отсутствие знакомой маленькой неровности на переносице стало вдруг огромным, и Роман стыдился того, что заметил именно это.

Вера провела пальцем по его перчатке.

— Ты на меня так смотришь, будто я покрасилась без предупреждения.

Роман рассмеялся. Смех качнул воду, ложка дрогнула под челюстью.

— Сильно покрасилась.

— Зато надолго.

Она отпустила его руку, повернулась к капитану и присела прямо на настил. Два медных тела приблизились. Вера раскрыла одно крыло, осторожно накрыв им пространство рядом с ними, и протянула руки.

— Кого можно обнять?

— Меня, — ответила Алла. — Везде меня. Только за ноги не тяните.

Вера прикоснулась к двум панцирям, потом к третьему, который подполз с другой стороны. Лица капитана не было, но её голос стал тише. Она сказала что-то про невозможность прилично встретить экипаж. Вера попросила её по-

молчать хотя бы сейчас.

Софья стояла рядом и поправляла своё покрытие. Когда Вера поднялась к ней, врач отступила:

— У меня снаружи слишком холодно. Не прижимайся.

Вера остановилась и вместо объятия протянула ей обе ладони. Софья взяла одну. Долго не отпускала, потом быстро вернулась к своему шлангу, словно именно он требовал всего внимания.

Павел поздоровался последним. Вера помнила его по музыке и назвала не фамилию, а первую песню, которую он сыграл. Павел поправил название и сам же смутился.

— Я до сих пор учитель, — объяснил он.

— Это видно, — сказала Вера. — По тому, как терпишь наши лица.

К ним подошёл тёмнокрылый Эв. Представился, указал путь к выходу и передал Хеду знак местного приёмщика груза. Перевозчик сразу оживился. Он всё ещё отвечал за нитевиков, за сестру и за последующее возвращение, а человеческая встреча занимала уже слишком много настила.

— Дойдёте? — спросил он капитана.

— Поедем.

— Вернусь после выгрузки. Корпус уходит через три дня. Пассажиров заранее посчитать полностью.

— Мы тоже хотим, — сказала Алла.

Хед посмотрел на неё, понял, что речь не о плате, и не стал отвечать шуткой.

Вера повела их по широкой нижней дорожке. Сама шла пешком, не пытаясь подняться над медленно движущейся капсулой. Роман заметил, сколько раз она поглядывает вверх: не нетерпеливо, скорее проверяя дорогу, которая теперь существовала и там.

— Далеко? — спросил он.

— Если идти — немного. Если лететь — совсем близко.

— Лети. Я доеду.

Она остановилась, повернулась к нему и присела на широкую перекладину рядом с дорожкой. Крылья легли вдоль спины. Вера подождала, пока капсула подъедет, снова взяла его внешнюю руку и пошла рядом, держась за неё.

Роман смотрел на её шаг. Нога мягко касалась настила, легко поднималась. Никакой осторожности, с которой она раньше спускалась по лестнице после долгой смены. Он хотел спросить, болит ли колено, и вовремя вспомнил, что этого колена больше нет.

Они ехали и шли медленно. Позади Павел выяснял у Эва, можно ли заказать здесь земной хлеб. Софья просила перестать говорить о еде, пока не проверено, кому что можно. Капитан считала повороты, чтобы не запутаться в собственном следе. Из облаков поднимались чьи-то голоса, и каждый порыв ветра чуть шевелил Верины крылья.

Глава 10. Окно без стекла

Хозяйка двора потребовала, чтобы вода оставалась в воде.

Через переводчик это прозвучало как древняя мудрость. На деле она показывала на щель под дверь: в прошлом сезоне один водный посетитель залил нижнее помещение, и теперь за каждого, у кого было больше двух вёдер личной среды, брали отдельный залог.

Вера уже внесла его. Роман попытался возразить, но она показала на закреплённую у входа запись и попросила сначала въехать, пока капитан не заняла весь двор.

Двор был длинным и узким, с открытой верхней стороной. Вдоль одной стены тянулся бассейн, перекрытый отдельными сетчатыми площадками; вдоль другой — сухие комнаты. Воздух проходил через щели между выгнутыми пластинами крыши. Внизу, за ограждением, медленно плыли облака.

Вода в бассейне Роману не подходила. Софья сравнила переданные Иврой условия с местными и велела оставить капсулу закрытой. Хозяйка, услышав это, с явным облегчением убрала приготовленный для гостя подъёмный ремень. Веру разочарование задело сильнее самого Романа: она нашла двор именно ради бассейна.

— Здесь можно сделать подходящий отдельный отсек, — сказал Эв. — Но понадобится время.

— У нас есть капсула, — ответила Вера слишком быстро.

Роман не стал говорить, что хотел бы хоть ненадолго вытянуть хвост. Он уже увидел, как мало сил у неё осталось после встречи, и не хотел отдавать ей ещё одну свою необходимость.

Софью поселили в нижней комнате, где можно было подключить охлаждение. Павел выбрал соседнюю, достаточно широкую для шести ног. Капитану достались два смежных помещения и проход между ними. Хозяйка поначалу потребовала плату за семь жильцов, но после объяснения Аллы согласилась на плату за площадь, что оказалось не намного дешевле.

Роман стоял в конце двора. Возле него закрепили питание и запас воды, рядом Вера положила собственную сумку. В её комнате не было кровати в земном смысле: широкая наклонная опора, несколько подвешенных мягких лент и низкий ящик для вещей. Окно вообще не закрывалось стеклом. За ним начинался узкий наружный настил, с которого можно было взлететь.

— Ты здесь живёшь?

— Пока вы здесь. Моё место выше, возле мастерской. Там ты не проедешь даже к двери.

Роман посмотрел на раскрытое окно. Вера поймала его взгляд.

— Я не падаю во сне. Уже проверила.

— Очень успокоила.

— Раньше я тоже могла упасть с кровати. Просто ты привык.

Она сняла небольшую подвеску с плеч, уложила её на ящик и потянулась. Крылья раскрылись почти до стен. Роман невольно отодвинул капсулу, и Вера сразу опустила их.

— Можно? — спросила она.

— Конечно.

— Ты так испугался.

— Я не знаю, сколько им нужно места.

Она снова расправила крылья, теперь медленно. Свет из окна проходил через тонкие участки между плотными рёбрами. Медные и белые поверхности перекрывали друг друга, двигаясь с небольшой задержкой, словно дышали отдельно. Вера закрыла глаза, выпрямила спину и выдохнула. Это было простое довольное движение, знакомое ему по утрам — и совершенно другое.

Роман смотрел, не понимая, радуется ли за неё или теряет что-то прямо сейчас.

— Красиво, — сказал он.

Она открыла глаза.

— Мне тоже нравится.

Он ожидал другой реплики. Шутки про необходимость привыкнуть, просьбы не смотреть, обещания всё исправить. Вера сказала, что ей нравится, и спокойно сложила крылья.

— Я спросил у Софьи, можно ли вернуть тело, — признался он.

— Что она ответила?

— Что не знает. Здесь выращивают по готовым путям, а наш путь повреждён. На Земле есть образцы, генетика, архивы. Должно быть больше возможностей.

Вера села на низкую опору. Некоторое время поправляла одну из мягких лент, хотя та лежала ровно.

— Ты хочешь?

— А ты нет?

Слова вышли быстрее, чем он успел подумать. Вера посмотрела на него прямо. Он узнал взгляд: раньше он появлялся, когда Роман отвечал за них обоих в разговоре с людьми.

— Нет, — сказала она. — Не хочу обратно в то тело.

За окном кто-то пролетел так близко, что на полу скользнула большая тень. Роман проследил за ней, обрадовавшись возможности отвести глаза.

— Я не про сейчас. Когда можно будет нормально. Без того, что было с коленом. Без...

— Рома, я слышала. Я не хочу. Мне хорошо здесь, в этом теле. Я утром просыпаюсь и хочу двигаться. Не сначала понять, что сегодня болит, не придумать, как добраться до ванной. Просто двигаться.

— Ты раньше не говорила, что всё так плохо.

Вера положила ладони на колени.

— Не всё было плохо. Мы были. Работа была. Я могла радоваться дню. Но ты спросил про тело.

Он вдруг очень ясно увидел их старую квартиру. Вера сидит у двери, завязывает ботинок, морщится, потом поднимает голову и улыбается ему. Он помнил улыбку. Морщину боли тоже помнил, но до сих пор она была маленькой деталью возле главного — у них нормальное утро, они выходят из дома. Оказалось, что для Веры деталь занимала больше места.

— Я бы помог, если бы знал.

— Ты помогал. Покупал лекарства, возил на процедуры, чинил всё, что попадалось по дороге. Не надо сейчас выяснять, достаточно ли ты был хорошим. Я тебе не претензию предъявляю.

Он кивнул и сразу пожалел: жест внутри воды получился слишком большим, будто он отмахнулся всем телом. Вера заметила, но промолчала.

— А я не хочу так, — сказал Роман. — Мне страшно открыть дверь. Надо сначала узнать, что по ту сторону воздух. Всё время проверять, течёт ли через меня вода. Я даже вернуться не могу, как хочу.

Вера встала, подошла к капсуле и опустилась рядом.

— Я знаю.

— Не знаешь.

Она убрала ладонь со стекла. Роман увидел, как меняется её лицо, и понял, что ударил по самому простому желанию быть рядом.

— Прости. Я не это...

— Это. И ты прав. Я не знаю, как тебе. Но я не могу сделать вид, что мне так же плохо, чтобы тебе было легче со мной разговаривать.

Он замолчал. Вода тихо проходила через заднюю коробку. Чужой день за окном ещё был светлым, а ему казалось, что они уже очень долго сидят в ночи.

— Ты поедешь домой? — спросил он.

— Я хочу увидеть маму. Я хочу, чтобы ты доехал. И капитан, и остальные. Я поеду с вами, когда будет на чём и когда мы поймём, как там жить. Но я не обещаю, что захочу остаться на Земле навсегда.

— А со мной?

Вера не ответила сразу. Роман уже собрался сказать, что не надо отвечать, но она поднесла руку к боковой манжете.

— Дай ладонь.

Он просунул руку. Она взяла её, провела пальцами по перепонке под перчаткой и остановилась у широкого основания большого пальца.

— С тобой я хочу попробовать. Вот с этим тобой. Который спрашивает и сердится. Не с фотографией, которую мне показывали, когда я проснулась.

У Романа заболело горло, хотя горло теперь работало совсем иначе. Он сжал её ладонь чуть сильнее, чем позволял себе на причале, и Вера не отдёрнула руку.

— Я тоже, — сказал он.

Она некоторое время молчала, потом улыбнулась.

— Только больше не спрашивай сразу про «навсегда». Я восемьдесят три дня как умею летать и всё ещё иногда врезаюсь в собственную дверь.

Роман засмеялся. Посмотрел на окно без стекла и впервые представил её в нём — не падающей, а возвращающейся.

* * *

Позднее они разбирали сообщения, которые Вера успела собрать на Арде.

Омар жил в соседнем дворе и обещал прийти утром. Зоя Шустова с Семёном находились на верхней площадке у местных восстановителей; мать ещё училась ходить, сын уже пытался уйти от сопровождающих и смотреть мир самостоятельно. Однажды его нашли на крыше грузовой башни. Вера не стала говорить Роману, что помогла ему спуститься, — не из секретности, просто рассказ о мальчике сразу превращался бы в разбор опасного поступка, а сейчас ей хотелось сказать, что он живой и упрямый.

Про Антона, его отца, никаких сведений не было.

— Зоя спрашивает каждый день, — сказала Вера. — Ей отвечают, что ищут подходящую форму. Омар считает, что это значит «не знают, куда положили». Я не уверена.

Роман открыл капитанскую копию общего отчёта.

— Тут написано, что незавершённых нет.

— А нам говорят ждать.

Они посмотрели друг на друга. Вера забрала пластину, сравнила дату с последним ответом Зое и сохранила обе строки рядом.

Роман попросил отправить копию капитану. Вера передала её через дворовую сеть, потом погасила прибор. Не хотелось, чтобы первая их встреча целиком превратилась в поиск пропавших.

— Ты помнишь последнее? — спросила она. — На корабле?

— Ты спросила, иду ли я. Я сказал, что иду. Лестница. Вера кивнула.

— У меня ещё немного после. Я слышала, как закрывается твой ящик с инструментами. Решила, что ты даже сейчас сначала уложишь всё по местам. Очень разозлилась. Хотела сказать что-нибудь ужасное, но не успела.

Роман вспомнил ящик. Он действительно закрыл его. Не ради порядка: в коридоре уже менялась тяжесть, инструмент мог разлететься. Вера не могла знать, что он видел у себя.

— Я бы дошёл, — сказал он.

— Знаю. Я тогда не знала.

Вечером Вера принесла еду. Для себя — сухие тёмные кусочки в широкой миске, для него — питательную массу, которую хозяйка приготовила по присланным условиям. Софья проверила запись состава и разрешила сначала малую порцию. Вера сидела на краю его капсулы, поставив миску на колени, и они ужинали так, словно каждый когда-то и при-

думал именно такое место.

— Если всё-таки вырастет новый человеческий я, — сказал Роман, — не корми его этим.

— Старого тоже было трудно накормить. Он всегда находил, что ещё нужно починить.

Он улыбнулся и доел положенную порцию. За окном шумел ветер. Вера больше не прятала от него движение крыльев.

Глава 11. Выше причала

Омар принёс в мастерскую человеческую клавиатуру и попросил, чтобы никто над ней не смеялся.

Клавиатуру он сделал сам. Кнопки вырезал из лёгкой белой пластины, буквы выжег местным нагревателем, внутренние контакты собрал из тонких чувствительных нитей. На левом краю не хватало места для трёх знаков, поэтому они жили на отдельной маленькой планке, привязанной шнуром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.